

УДК 902/904
ББК 63.4
Г70

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Ответственный редактор:

чл.-корр. Х.А. Амирханов

Редакционная коллегия:

академик Н.А. Макаров, академик В.И. Молодин, академик М.Б. Пиотровский,
чл.-корр. П.Г. Гайдуков, д. и. н. Ш.Н. Амиров, д. и. н. М.С. Гаджиев,
проф. Дж. Буччеллати (G. Buccellati),
к. и. н. А.В. Энговатова, к. и. н. Ю.В. Лунькова

Рецензенты:

к. и. н. А.Н. Гей, к. и. н. А.А. Немировский

Г70 **Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века.** Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева / отв. ред. Х.А. Амирханов. – М.: ИА РАН; 2019. 480 стр.: ил.

ISBN 978-5-94375-296-4

Сборник статей «Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века» посвящен юбилею выдающегося российского археолога, лауреата Государственной премии РФ, члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Рауфа Магомедовича Мунчаева. Весомый вклад Рауфа Магомедовича в изучении эпохи поздней первобытности Кавказа и Переднего Востока признан профессиональным сообществом археологов во всем мире. Данный сборник отражает круг научных интересов юбиляра и охватывает временной интервал от эпохи неолита до эпохи ранней бронзы в широком поясе от степей Предкавказья до Южной Месопотамии.

Сборник предназначен для научных сотрудников, студентов-археологов и всех, кто интересуется археологией.

ISBN 978-5-94375-296-4

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2019

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК АВТОРОВ	11
ПРЕДИСЛОВИЕ	15

Раздел I. ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ

<i>Багаев М.Х.</i> От Бамутских курганов Чечни до теллей Месопотамии	19
<i>Гуляев В.И.</i> Воспоминания об Ираке: первые российские археологи в Месопотамии	27
<i>Молодин В.И.</i> Сирийский дневник	39

Раздел II. КАВКАЗ

Северный Кавказ и Дагестан

<i>Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г.</i> Открытие древнейших бронзовых носовых колец для управления быками в погребении майкопской культуры в Центральном Предкавказье	53
<i>Корневский С.Н., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Яцюк Д.А.</i> Майкопские погребения могильника Ольховский	73
<i>Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н.</i> Беляевское - поселение Майкопской культуры на Кубани	90
<i>Клещенко А.А.</i> Новейшие исследования погребений майкопской культуры в Баксанском ущелье и их интерпретация	130
<i>Корневский С.Н., Березина Н.Я., Березин Я.Б., Грески Ю. (Gresky)</i> Новые погребения протоямной культуры на Ставрополье	155
<i>Магомедов Р.Г.</i> Антропоморфная пластика эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа	179
<i>Андреева М.В.</i> Состав и структура наборов инвентаря в погребениях восточноманычской катакомбной культуры	203

Закавказье

<i>Мусеибли Н.А.</i> Поселение Галаери – памятник лейлатепинской культуры	217
<i>Алмамедов Х.И.</i> Новые археологические исследования поселений эпохи неолита и позднего халколита на Карабахской равнине	226
<i>Джафаров Г.Ф.</i> Погребальные памятники Карабаха эпохи ранней бронзы: история исследования	240

<i>Махарадзе З.Э.</i> Погребения с повозками эпохи ранней бронзы Грузии	256
<i>Симомян А.Е.</i> Неркин Навер – Комплекс памятников от эпохи средней бронзы до раннего средневековья .	273

Раздел III. МЕСОПОТАМИЯ И АНАТОЛИЯ

<i>Ле Мьер М., Тирион-Мерль В.</i> Еще раз о прото-хассунской керамике из Телль Хазны II	295
<i>Беккер Й.</i> Заметки о ритуальной практике Северной Месопотамии эпохи позднего неолита	311
<i>Юцис-Акимова С.В., Галле И., Амиров Ш.Н.</i> Новые данные археонапряженности, полученные при изучении халафского поселения Ярым Тепе 2 (Северный Ирак)	322
<i>Бренике К.</i> Эриду – город волшебника	333
<i>Буччеллати Дж.</i> Постоянство традиции в Уркеше. Храмовая терраса: от протописьменного периода до Миттани	340
<i>Келли-Буччеллати М.</i> Имитация как стратегия гончаров Уркеша и ее долговременные следствия	355
<i>Белинский П.</i> Дождь в Кувейте периода халколита	362
<i>Валентини С.</i> Воплощение социального статуса в обряде: погребальная практика в святилище Телль Барри периода Ранняя Джебзира 2–3а	370
<i>Авилова Л.И.</i> Еще раз о бронзовых топорах из поселения Телль Юнаците	394
<i>Корниенко Т.В., Сонмез Д.А.</i> К вопросу о ранних этапах развития текстильного производства в Анатолии	399
<i>Петрова Н.Ю.</i> О становлении керамического производства в Передней Азии	413
<i>Амиров Ш.Н.</i> Сирия. Краткий археолого-исторический очерк от палеолита до начала эпохи эллинизма .	423

Раздел IV. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Черных Е.Н., Орловская Л.Б.</i> Радиоуглеродная хронология эпохи прото-металла Евразии	433
<i>Цетлин Ю.Б.</i> Происхождение гончарства	446

Раздел V. ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.</i> У истоков московской археологической школы: В.А. Городцов и Институт археологии и искусствознания РАНИОН	463
---	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	477
-------------------------	-----

CONTENTS

CONTRIBUTORS	11
INTRODUCTION	15

Part I. REMEMBERING THE PAST DAYS

<i>Bagaev M.Kh.</i> From Bamut Kurgans in Chechnya to Mesopotamian Tells	19
<i>Gulyaev V.I.</i> Recollecting Iraq: First Russian Archaeologists in Mesopotamia	27
<i>Molodin V.I.</i> The Syrian Diary	39

Part II. CAUCASUS

North Caucasus and Dagestan

<i>Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G.</i> The Discovery of Ancient Bronze Nose Rings for Driving Bulls in the Burial of the Maykop Culture in the Central Ciscaucasia	53
<i>Korenevsky S.N., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V., Yatsuk D.A.</i> Maykop Burials from the Olkhovsky Cemetery	73
<i>Rezepkin A.D., Poplevko G.N.</i> Belyaevskoye: a Maykop Settlement in the Kuban Region	90
<i>Kleschenko A.A.</i> Recent Excavations of Maykop Graves in the Baksan Gorge and their Interpretation	130
<i>Korenevsky S.N., Berezina N.Ya., Berezin Ya.B., Gresky Yu.</i> New Burials of the Proto-Yamnaya Culture in the Stavropol Region.....	155
<i>Magomedov R.G.</i> Anthropomorphic Statuettes of the Early Bronze Age from the North-Eastern Caucasus Region	179
<i>Andreeva M.V.</i> Gravegoods' Sets in the Burials of the East Manych Catacomb Culture: Content and Composition	203

Transcaucasia

<i>Museibli N.A.</i> Leyla-Tepe Culture Settlement of Galayeri	217
<i>Almammadov Kh.I.</i> New Archaeological Research of Neolithic and Late Chalcolithic Settlements in Lowland Garabagh	226
<i>Dzhafarov G.F.</i> Early Bronze Age Burial Sites of Garabagh: History of Research	240

<i>Makharadze Z.E.</i> Early Bronze Age Graves with Wagons in Georgia	256
<i>Simonyan H.Y.</i> Nerkin Naver – A Complex of Archaeological Sites from the Middle Bronze Age to the Beginning of Medieval Period	273

Part III. MESOPOTAMIA AND ANATOLIA

<i>Le Mière M., Thirion-Merle V.</i> Proto-Hassuna pottery from Tell Khazna II revisited.....	295
<i>Becker J.</i> Some Notes on Ritual Practices in the Late Neolithic of Upper Mesopotamia	311
<i>Yutsis-Akimova S.V., Gallet Y., Amirov Sh.N.</i> New data on Archaeointensities Obtained from Investigation of Halafian Settlement of Yarim Tepe 2 (Northern Iraq)	322
<i>Breniquet C.</i> Eridu, City of the Magician	333
<i>Buccellati G.</i> Persistence of Tradition at Urkesh. The Temple Terrace from Protoliterate to Mittani.....	340
<i>Kelly-Buccellati M.</i> Emulation as a Strategy of Urkesh Potters and its Long Term Consequences	355
<i>Bieliński P.</i> The Rain in Chalcolithic Kuwait	362
<i>Valentini S.</i> Embodying Identity: Burial Practices in the Sacred Area of Tell Barri in the Early Jezirah 2–3a period	370
<i>Avilova L.I.</i> Revisiting Two Bronze Shaft-hole Axes from the Settlement Tell Yunatsite	394
<i>Kornienko T.V., Sonmez D.A.</i> To the Issue of Early Stages of Textile Production Development in Anatolia	399
<i>Petrova N.Yu.</i> On Emergence of Ceramics Manufacturing in South-Western Asia	413
<i>Amirov Sh.N.</i> Syria from the Paleolithic to the Beginning of the Hellenistic Period: Brief Archaeological and Historical Overview	423

Part IV. GENERAL QUESTIONS OF THE ARCHAEOLOGY

<i>Chernykh E.N., Orlovskaya L.B.</i> Radiocarbon Chronology of the Proto-Metal Age in Eurasia	433
<i>Tsetlin Yu.B.</i> The Origin of Ancient Pottery Production	446

Part V. HISTORY OF SCIENCE

<i>Kuzminykh S.V., Belozerova I.V.</i> At the Origin of the Moscow Archaeological School: V.A. Gorodtsov and the Institute of Archaeology and Art History in the Russian Association of Research Institutes of Social Sciences	463
--	-----

ABBREVIATIONS	477
---------------------	-----

СПИСОК АВТОРОВ

- АВИЛОВА Людмила Ивановна
(Avilova L.I.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: aviloval@mail.ru
- АМИРОВ Шахмардан Назимович
(Amirov Sh.N.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: shahmardan@mail.ru
- АНДРЕЕВА Марина Владимировна
(Andreeva M.V.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: amvlad11@yandex.ru
- БАГАЕВ Муса Харонович
(Bagaev M.Kh.),
Чеченский государственный университета,
Грозный, Россия
- БЕЛОЗЁРОВА Ирина Валентиновна
(Belozerova I.V.),
Государственный исторический музей,
Москва, Россия;
e-mail: irina.belozero@yandex.ru
- БЕРЕЗИН Яков Борисович
(Berezin Y.B.),
ГУП «Наследие» министерства культуры
Ставропольского края, Ставрополь, Россия;
e-mail: cosmodesantnik@mail.ru
- БЕРЕЗИНА Наталия Яковлевна
(Berezina N.Ya.),
НИИ и Музей антропологии МГУ им.
М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: berezina.natalia@gmail.com
- ГУЛЯЕВ Валерий Иванович
(Gulyaev V.I.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: viguliaev@yandex.ru
- ДЖАФАРОВ Гидаят Фаррух оглы
(Dzhafarov G.F.),
Институт археологии и этнографии
Национальной Академии Наук
Азербайджана, Баку, Азербайджан;
e-mail: hidayet-jafar@mail.ru
- ДОБРОВОЛЬСКАЯ Мария Всеволодовна
(Dobrovol'skaya M.V.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: mk_pa@mail.ru
- КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович
(Kantorovich A.R.),
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: kantorovich@mail.ru
- КЛЕЩЕНКО Александр Александрович
(Kleschenko A.A.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: sansanych@bk.ru
- КОРЕНЕВСКИЙ Сергей Николаевич
(Korenevsky S.N.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru
- КОРНИЕНКО Татьяна Владимировна
(Kornienko T.V.),
Воронежский государственный
педагогический университет, Воронеж,
Россия;
e-mail: zigzinatvk@gmail.com
- КУЗЬМИНЫХ Сергей Владимирович
(Kuzminykh S.V.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

МАГОМЕДОВ Рабадан Гаджиевич
(Magomedov R.G.),
Дагестанский научный центр РАН,
Махачкала, Россия;
e-mail: mag-rabadan@yandex.ru

МАСЛОВ Владимир Евгеньевич
(Maslov V.E.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: maslovlad@mail.ru

МАХАРАДЗЕ Зураб Эдуардович
(Makharadze Z.E.),
Институт Археологических Исследований
им. О. Лордкипанидзе Национального Музея,
Тбилиси, Грузия;
e-mail: z_makhar@hotmail.com

МЕДНИКОВА Мария Борисовна
(Mednikova M.B.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: medma_ra@mail.ru

МОЛОДИН Вячеслав Иванович
(Molodin V.I.),
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

МУСЕИБЛИ Наджаф Алескер оглы
(Museibli N.A.),
Институт археологии и этнографии
Национальной Академии Наук
Азербайджана, Баку, Азербайджан;
e-mail: necef_museibli@mail.ru

ОРЛОВСКАЯ Любовь Болеславовна
(Orlovskaya L.B.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: lborl47@rambler.ru

ПЕТРЕНКО Владимира Гавриловна
(Petrenko V.G.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: vladimira_petren@mail.ru

ПЕТРОВА Наталья Юрьевна
(Petrova N.Yu.),
Государственный исторический музей,
Москва, Россия;
e-mail: petrovanatalya7@mail.ru

ПОПЛЕВКО Галина Николаевна
(Poplevko G.N.),
Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: poplevko@yandex.ru

РЕЗЕПКИН Алексей Дмитриевич
(Rezepkin A.D.),
Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: rezepkin@mail.ru

СИМОНЯН Акоп Ервандович
(Simonyan H.Y.),
Научно-исследовательский центр историко-
культурного наследия Министерства
культуры РА, Ереван, Армения;
e-mail: haksimon@gmail.com

СОНМЕЗ Дания Алиевна
(Sonmez D.A.),
Университет Хаджеттепе, Бейтепе, Анкара,
Турция;
e-mail: daniyasonmez@gmail.com

ЦЕТЛИН Юрий Борисович
(Tsetlin Yu.B.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: yu.tsetlin@mail.ru

ЧЕРНЫХ Евгений Николаевич
(Chernykh E.N.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: evgenij.chernykh@gmail.com

ЮЦИС-АКИМОВА Станислава В.
(Yutsis-Akimova S.V.),
Институт физики Земли РАН, Москва,
Россия; Équipe de Paléomagnétisme, Institut de
Physique du Globe de Paris (France)
e-mail: stanislava-akimova@yandex.ru

ЯЦЮК Денис Анатольевич
(Yatsuk D.A.),
Южный Научный центр РАН, Ростов-на-
Дону, Россия;

ALMAMMADOV Khagani Imran-ogly
(Алмамедов Х.И.),
Institute of Archaeology and Ethnography of
Azerbaijan, Baku, Azerbaijan;
e-mail: xoyski@mail.ru

BECKER Joerg

(Беккер Й.),

Martin-Luther-University Halle-Wittenberg
Seminar for Oriental Archaeology and Art
History, Germany;
e-mail: joerg.becker@orientarch.uni-halle.de

BIELIŃSKI Piotr

(Белинский П.),

“Polish Centre of Mediterranean Archaeology”
of the University of Warsaw, Warsaw, Poland;
e-mail: piotr.bielin@wp.pl

BRENIQUET Catherine

(Бренике К.),

Université Clermont-Auvergne, Histoire de l’art et
archéologie antiques, Clermont-Ferrand, France;
e-mail: catherine.breniquet@uca.fr

BUCCELLATI Giorgio

(Буччеллати Дж.),

Cotsen Institute of Archaeology, UCLA, Los
Angeles, USA;
e-mail: gb.urkesh@gmail.com

GALLET Yves

(Галле И.),

Institut de Physique du Globe de Paris,
Sorbonne Paris Cité, Université Paris Diderot,
Paris, France;
e-mail: gallet@ipgp.fr

GRESKI Yuliya

(Грески Ю.),

Германский археологический институт,
Берлин, Германия;
e-mail: julia.gresky@dainst.de

KELLY-BUCCELLATI Marilyn

(Келли-Буччеллати М.),

Cotsen Institute of Archaeology, UCLA, Los
Angeles, USA;
e-mail: mkb.urkesh@gmail.com

LE MIÈRE Marie

(Ле Мьер М.),

Archéorient, CNRS, Université Lyon, Maison
de l’Orient et de la Méditerranée, Lyon,
France;
e-mail: marie.le-miere@mom.fr

THIRION-MERLE Valérie

(Тирион-Мерль В.),

Archéologie et Archéométrie, CNRS, Université
Lyon, Maison de l’Orient et de la Méditerranée,
Lyon, France;
e-mail: valerie.merle@mom.fr

VALENTINI Stefano

(Валентини С.),

Center for Ancient Mediterranean and Near
Eastern Studies (CAMNES) Firenze, Italy;
e-mail: stefano.valentini@camnes.org

ПРЕДИСЛОВИЕ

23 сентября 2018 г. Рауф Магомедович Мунчаев отметил свой 90-летний юбилей. Такая неординарная веха жизненного пути важна для каждого человека независимо от его профессиональных занятий, но для ученого, обладающего высокой международной репутацией, она особо весома. Для археологического сообщества имя Рауфа Магомедовича Мунчаева прочно связано с важными достижениями археологии в изучении поздней первобытности (неолит и бронзовый век) Западной Евразии – от Кавказа до Ближнего Востока. Многолетние полевые исследования, проведенные экспедицией Института археологии РАН под его руководством, стали эталоном исследований первобытной археологии Месопотамии.

Воздавая должное заслугам Рауфа Магомедовича в исследовании первобытных древностей Кавказа и Месопотамии, коллеги, по академической традиции, подготовили сборник статей, посвященных проблемам, изучением которых на протяжении всей своей профессиональной деятельности занимается юбиляр.

Понятно, что название сборника «Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века» представляет собой парафраз одной из наиболее известных книг Р.М. Мунчаева, посвященной эпохе палеометалла Кавказа, и опубликованной в 1975 г. Соответственно название этого сборника определяет, как географические, так и хронологические рамки представленных в нем статей, которые близки научным интересам юбиляра и тематически охватывают проблематику от докерамического неолита до рубежа ранней-средней бронзы на территории от Предкавказья до Южной Месопотамии. Издание дополняют воспоминания и разделы, посвященные истории науки.

В некоторых случаях статьи публикуются в авторской редакции.

В подготовке этого сборника приняли участие коллеги, друзья и ученики Р.М. Мунчаева. Поскольку авторитет Рауфа Магомедовича является общепризнанным как у нас в стране, так и за ее границами, то и сборник получился по-настоящему международным. Помимо отечественных исследователей в нем участвовали коллеги из государств Южного Кавказа, Европы и Америки. Мы выражаем глубокую благодарность всем, кто работал над этой книгой.

Редакционная коллегия

INTRODUCTION

On September 23rd 2018 Rauf Munchaev celebrated his 90th birthday. Such a date in life would be considered unique for any person, regardless of his or her profession. But for a scholar with an impeccable international reputation it is of special importance. For the archaeological community Rauf Munchaev's name is bound to the most important discoveries of the Late Prehistoric Periods (the Neolithic and the Bronze Age) of Western Eurasia – from the Caucasus to the Middle East. Numerous field research, conducted under his supervision by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, became the touchstones of prehistoric archaeology in Mesopotamia.

Paying homage to Rauf Munchaev's achievements in the study of prehistoric antiquities of the Caucasus and Mesopotamia, his colleagues – in accordance with the academic tradition – prepared a collection of articles on the subject, to which the acclaimed anniversary celebrant dedicated his professional life. To a scholar it will be obvious that the miscellanea's title *The Caucasus Mountains and the Mesopotamian Steppe on the Dawn of the Bronze Age* is a paraphrase of one of R. Munchaev's best-known books, dedicated to the Paleo-metal Era of the Caucasus and published in 1975.

Accordingly, the title of the given publication firmly establishes the geographic and chronological boundaries of the research, contained in its articles; all of them are in the frameworks of the celebrant's academic interests and are dedicated to various aspects – from the pre-ceramic Neolithic to the boundaries of the early-middle Bronze Age, in the region between the Ciscaucasia to Southern Mesopotamia. The publication is supplemented by memoirs and sections dedicated to the history of science. Several articles are published with the author's editorials.

Rauf Munchaev's colleagues, friends and students took part in the preparation of this book. Since Rauf Munchaev's name commands respect not only in Russia, but in the entire world, this miscellanea truly became an international project. Besides Russian scholars, it includes the works of our colleagues from the Transcaucasian Countries, Europe and America. We sincerely thank everyone who took part in the work on this book.

Editorial board

РАЗДЕЛ I

ВСПОМИНАЮЩАЯ ПРОШЛОЕ

ОТ БАМУТСКИХ КУРГАНОВ ЧЕЧНИ ДО ТЕЛЛЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Великие люди редко представляют собой
одинокие вершины: чаще это пики горной гряды.

Томас Хиггинсон

Резюме. Автор статьи делится своими воспоминаниями о том времени, когда он работал в археологической экспедиции Рауфа Магомедовича Мунчаева в Чечне в 60-е годы XX в., при этом особое внимание уделяет Р.М. Мунчаеву как человеку и ученому. С другой стороны, подчеркивается, что благодаря именно ему открыты и изучены археологические памятники Чечни энеолита, ранней бронзы и последующих эпох у селений Луговое, Сержень-Юрт, Бамут и т.д. В завершение, автор поздравляет знаменитого кавказоведа и востоковеда Рауфа с его прекрасным 90-летним юбилеем.

Ключевые слова: Рауф Магомедович Мунчаев; Кавказ; археологические культуры; Закавказье; Ближний Восток; Месопотамия; Чечня; Ингушетия; Луговое; Сержень-Юрт; Бамут; экспедиция; раскопки; кавказовед; востоковед.

Я безмерно рад и горд тем, что удостоился чести быть одним из авторов данного сборника, посвященного 90-летию со дня рождения выдающегося кавказоведа и востоковеда, профессионального организатора науки, члена-корреспондента Российской академии наук, советника РАН, профессора Рауфа Магомедовича Мунчаева, моего учителя и друга.

Впервые я увидел Рауфа Магомедовича в Чечено-Ингушском краеведческом музее летом 1961 г.

Сегодня я уже точно знаю, что в 1957 г. – начале 1960-х годов, когда археологические работы в Чечне только начинали набирать обороты, в краеведческом музее г. Грозного находился штаб Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ) под руководством Е.И. Крупнова и его заместителя Р.М. Мунчаева. Все руководители отрядов: палеолитический – В.П. Любин (Ленинград); горный – В.И. Марковин (Москва); предгорный и Сержень-Юртовский – Е.И. Крупнов, Н.Я. Мерперт, В.И. Козенкова (Москва); степной - Мекенский – Е.И. Крупнов, Н.Я. Мерперт (Москва); разведочный и Бамутский – Р.М. Мунчаев (Москва); змейский в Северной Осетии – В.А. Кузнецов (Орджоникидзе), собирались в уютном дворе музея. Здесь обсужда-

лись как общие проблемы, так и текущие дела экспедиции. Часто на эти «планерки» приходили директор ЧИ НИИ ИЯЛ А.-Х. Саламов и директор самого Грозненского музея Ж. Зязикова. Это были настоящие патриоты вайнахских народов, которые всячески способствовали успехам СКАЭ.

Одновременно в музее происходила передача каждому отряду соответствующего спецоборудования, спецмущества. Закупались в Грозном продукты питания и т.д. Руководили всей этой работой Е.И. Крупнов и его заместитель Р.М. Мунчаев. Вот в такой ситуации я и увидел, как и всех начальников отрядов, Рауфа Магомедовича в июле 1961 г. Однако в его экспедицию я тогда не попал. Е.И. Крупнов направил меня к В.И. Марковину. После этого прошло четыре года. И, уже будучи научным сотрудником сектора археологии и этнографии ЧИ НИИ ИЯЛ, в 1966 г. я попросил Рауфа Магомедовича взять меня в его отряд. Без всяких условий я был зачислен в «Бамутский» отряд, в котором, так же как и в других отрядах СКАЭ, я не был первенцем из чеченской и ингушской студенческой молодежи. В наши дни, вспоминая то время, Рауф Магомедович пишет: «Особо следует сказать о том, что неоценимую помощь экспедиции оказали студенты Чечено-Ингуш-

ского государственного педагогического института, причем не только историко-филологического, но и других факультетов. Многие из них работали в экспедиции на летних каникулах из года в год, пока учились в институте и даже после его окончания¹. Уверен, что школа Северо-Кавказской экспедиции оказалась весьма полезной для них во многих отношениях. Чрезвычайно важно подчеркнуть и тот существенный факт, что экспедиция вырастила местные кадры археологов, которые пройдя школу СКАЭ и аспирантуру в Институте археологии АН СССР под руководством Е.И. Крупнова, стали высококвалифицированными специалистами своего дела – М.Б. Мужухоев и М.Х. Багаев» (Мунчаев, 2002. С. 28). Оглядываясь назад, от себя могу добавить, что это была молодежь, только что вернувшаяся из сталинской депортации. Вот как вспоминал то время один из наших сверстников-«шестидесятников» доктор филологических наук, профессор, незабвенный Юша Айдаев, проработавший один сезон в отряде В.И. Марковина: «Мы, юноши и девушки, с аттестатами зрелости возвращались в Грозный из Казахстана и Киргизии, завершив долгий путь длиною в тринадцать лет. Уровень подготовки у абсолютного большинства из нас, по тем временам, был очень высоким. Мы выдерживали конкурс в любой вуз страны. Незначительная часть из нас воспользовалась представившейся свободой 1956–1957 гг., поступила в вузы Казахстана, Киргизии, Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Орджоникидзе (Осетия) и других городов. Большинство же решило учиться дома. Мы так истосковались по родине, что не могли никуда ехать, мы страстно хотели жить и участвовать в восстановлении республики» (Они были первыми, 2007. С. 4–5). Наши стремления к знаниям как никто другой, понимал Е.И. Крупнов. Это был человек высокого гражданского долга. Он бескрайне любил Кавказ и его народы. Кавказовед тяжело пережил депортацию чеченцев и ингушей, балкарцев, карачаевцев и других народов. Об этом ученый мне рассказал лично в 1967 г. До сих пор помню и никогда не забуду, как из его добрых глаз выкатывались слезы, словно свинцовые шарики, когда он рассказывал мне о том, как, будучи в дивизии народного ополчения под Москвой, в 1944 г., видел поезд, в котором везли солдат и офицеров (чеченцев, ингушей и других национальностей), снятых с фронтов и резервных частей, как «врагов народа». В тот день

мы долго говорили о трагической судьбе вайнахов (чеченцев и ингушей). Евгений Игнатьевич просил меня никогда этого не забывать, но и не озлобляться, а учиться, учиться и учиться, чтобы быть полезным своему народу, возрождавшемуся из пепла, в буквальном смысле этого слова, в конце 50-х и 60-х годах XX века. Сам же Е.И. Крупнов и его соратники: Н.Я. Мерперт, В.И. Марковин, В.И. Козенкова и, конечно же, Р.М. Мунчаев, в свою очередь, в те же годы возрождали археологические исследования, начатые в 20–30-е годы XX в. Л.П. Семеновым, Е.И. Крупновым, М.И. Артамоновым, А.П. Кругловым, А.В. Мачинским и другими.

Особое рвение в этой работе проявляли уроженцы Дагестана Р.М. Мунчаев и В.И. Марковин, которые хорошо знали трагедию, разыгравшуюся на Северном Кавказе в сороковые годы. Ведь она коснулась и народов Дагестана, Грузии, Осетии, Ставропольского и Краснодарского краев. Многих «добровольно-принудительно» переселяли в районы бывшей ЧИАССР, откуда были изгнаны чеченцы и ингуши (а как гласит русская поговорка: «Одно переселение равно двум пожарам»). Эти события неизменно сохранились в памяти Рауфа Магомедовича. Ведь многие семьи его родного лакского народа были согнаны со своей исторической родины в 1944 г. и «насильственно переселены на земли чеченцев-аккинцев» (Булатова, 2002. С. 348).

О событиях тех лет Р.М. Мунчаев с глубоким сожалением пишет, что «когда исход Великой Отечественной войны уже был ясен, в истории чеченцев и некоторых других народов Северного Кавказа произошла большая, ничем не объяснимая трагедия: они были депортированы за пределы своей земли, в Среднюю Азию. С тех пор о них, живших и творивших на Кавказе свою историю и культуру с глубокой древности, пытались не вспомнить, предать забвению. И до второй половины 1950-х гг., когда была восстановлена ЧИАССР, на территории Чечни фактически не было заметных археологических работ» (Мунчаев, 2002. С. 26).

«Именно из этого, прежде всего, – подчеркивает Р.М. Мунчаев, – исходил выдающийся советский кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов, принявший в середине 1950-х гг. решение перебазировать работы СКАЭ почти целиком на территорию Чечни, как наиболее слабо изученной в историко-археологическом отношении области не только Кавказа, но, пожалуй, всего Советского Союза» (Мунчаев, 2002. С. 26). И, конечно же, в первую очередь в СКАЭ был привлечен Рауф Магомедович, который еще в 1952 г. по поручению Е.И. Крупнова «приступил к раскоп-

¹ Например: Я.С. Вагапов, С.Ц. Умаров, супруги С.Ш. Дукузов и З.А. Дукузова (Хамидова), А.У. Ганжуев, М. Умаров, М.Б. Мужухоев, М.Х. Багаев. – примеч. авт.

кам позднекобанского могильника у сел. Мужичи (Луговое) в Ассинском ущелье в Ингушетии...». В 1957 г. эти раскопки были завершены, после чего в Чечне начались широкомасштабные работы всех отрядов СКАЭ. «Мы были молоды, – вспоминает стартовые работы СКАЭ Рауф Магомедович, – полны сил и с большим увлечением, заряженные энтузиазмом Е.И. Крупнова, взялись изучать археологию, древнюю и средневековую историю Чечни. Никогда не забуду те славные годы» (Мунчаев, 2016. С. 71).

Итоги столь масштабных разведок и раскопок, проведенных за 10 лет (1957–1967) только одним «разведочным и бамутским» отрядом Рауфа Магомедовича, продолжают удивлять и по сегодняшний день. Формат статьи не позволяет дать им хотя бы краткую характеристику. Отмечу лишь то, что эти памятники, я имею в виду памятники только эпохи бронзы и раннего железа, дают основание говорить о том, что данный регион, а именно территория, где сегодня проживают чеченцы и ингуши, входил в ареал распространения на Северном Кавказе куро-аракской, майкопской, северокавказской, гинчинской, каякентско-харачоевской, кобанской, скифо-сарматской и аланской культур (Мунчаев, 1975; Мунчаев, 2002; Марковин, Мунчаев 2003). При этом нельзя не остановиться, хотя бы вкратце на результатах раскопок Бамутского курганного могильника. Здесь, по словам Рауфа Магомедовича, «В течение почти десяти полевых сезонов был исследован чуть ли не весь этот обширный могильник – раскопано более 50 курганов, содержащих не менее 250 погребений, большинство из которых относится к северокавказской культуре эпохи бронзы (II тыс. до н.э.). В 18 курганах древнейшие погребения принадлежали к майкопской культуре. Бамутский курганный могильник – это самый крупный в настоящее время на территории Чечни исследованный памятник бронзового века и один из наиболее изученных на Северном Кавказе в целом» (Мунчаев, 2002. С. 30–31).

Вообще-то Бамут – это целая эпопея в археологической жизни Рауфа Магомедовича, принесшая ему славу как выдающемуся кавказоведу, так же как и раскопки в Месопотамии, принесшие ему славу, но уже как крупнейшему востоковеду. Кроме указанного выше памятника, в окрестностях Бамута нашим юбиляром открыты и исследованы еще несколько археологических объектов, в том числе – курганный могильник XIV–XVI вв. (Мунчаев, 2002. С. 30) и поселение позднебронзового века, исследованное в 1966–1967 гг. (Мунчаев, 2002. С. 31). Я был непосредственным участником открытия этого поселе-

ния и его раскопок. Помню, как Рауф Магомедович радовался обнаружению столь важного бытового памятника и, на радостях сразу же позвонил в Москву Е.И. Крупнову из ачхой-мартановского телефонного переговорочного пункта. На обратном пути мы, т.е. Рауф Магомедович, Арсен Магомедов, выпускник истфака Дагестанского госуниверситета, который, кстати, потом, будучи аспирантом Рауфа Магомедовича, написал кандидатскую диссертацию, защищенную в Институте археологии АН СССР, по материалам рассматриваемого поселения (Магомедов, 1973), и я, заехали на рынок в Ачхой-Мартане, купили продуктов для торжественного ужина, посвященного столь знаменательному событию.

Ужин получился на славу! Весь коллектив отряда был беспредельно рад успеху своего начальника. На ужин были приглашены и местные молодые ребята, работавшие в отряде: душа и любимец отряда, а также главная его опора в бытовой жизни Наиб Хаяури, Салман Нуридов, Мовлид Гадамаури, Сулумбек Татарашвили, Байсолт Бугчиев и, конечно же, Нохчо Дарчиев, внештатный сотрудник отряда. Вечерами он приходил к нам в гости с гитарой и пел нам прекрасные хиты того времени. Особенно нам нравились песни В. Высоцкого «Братские могилы», «Песня о друге», «Прощание с горами». Последние две мы всем отрядом пропели, а в тот вечер несколько раз, хотя отряд наш и не был столь «певучим» как, скажем, «Сержень-Юртовский», руководимый В.И. Козенковой.

Заговорил о песнях и тут же вспомнил такой случай, связанный с Рауфом Магомедовичем. Все члены экспедиции заметили, что наш начальник, т.е. Рауф Магомедович, обладает хорошим музыкальным слухом и определенными вокальными данными. Посудите сами. При хорошем настроении он имел привычку негромко насвистывать несколько модных тогда мелодий. Этот репертуар был неизменным. Так вот. Однажды мы пешком шли «домой» после изнурительной работы на вышеуказанном поселении, а в тот день на одном из участков раскопа нашли литейную форму для отлива жатвенного серпа и наконечника стрелы. Поистине это было настоящее открытие! И вот мы, цепочкой, по тропе идем в сторону нашего лагеря: впереди Рауф Магомедович, за ним, на расстоянии 3–5 м, шагаем Арсен и я, а остальные за нами. Так вот, Рауф насвистывал одну из своих мелодий, услышав это «пение», я говорю шепотом Арсену: «Хочешь, я переверну пластинку?». Арсен, совершенно не ожидавший такого вопроса, своим басом говорит: «Что? Какая пластинка?» Я в ответ (опять шепотом): «Слышишь –

шеф насвистывает мелодию?» «Да», – отвечает он, прислушавшись. – «А теперь будь внимателен и слушай» Я начал насвистывать другую мелодию из репертуара-«запасника» Рауфа Магомедовича, и через минуту-другую он незаметно перешел на исполняемую мной мелодию, и в этот момент Арсен не засмеялся, а взорвался характерным ему громовым смехом. Рауф резко остановился и, оглянувшись, спросил: «Арсен, что случилось?». А Арсен (вообще юморист по жизни) сквозь смех говорит: «Да вот, у Мусы пробился голос, а я-то не знал, что он умеет петь!». «Это правда, Муса?» – обратился ко мне Рауф. «Правда, правда» – захлебываясь от смеха, ответил я. Рауф Магомедович испытывающее посмотрел на нас обоих, молча повернулся и спокойно зашагал по каменистой тропе. Никто ничего не понял, а мы с Арсеном Расуловичем Магомедовым, давно уже доктором исторических наук, профессором, деканом факультета востоковедения ДГУ, по сегодняшнему дню при каждой нашей встрече с приятной ностальгией вспоминаем тот незатейливый случай в Бамуте.

Должен сказать, что Бамут и в моей жизни занял знаковое место. Во-первых, именно здесь заложила основа нашей дружбы с Рауфом Магомедовичем, ставшим заодно и моим учителем. Во-вторых, именно в Бамуте я провел свои первые самостоятельные археологические раскопки кургана XIV–XVI вв. под патронатом Рауфа Магомедовича, в 1966 г. Это была трогательная грань его заботливого внимания ко мне как начинающему свою археологическую практику в поле, за что я по сей день благодарен ему! И вообще, быть внимательным ко всем, кто его окружает и при этом максимально проявлять милость – кредо Рауфа Магомедовича. И, кстати будет сказано, имя «Рауф» в переводе с арабского означает «милостивый» (Сафаралиева, 1994. С. 262). Уверен, что все его жизненные поступки, будь то в России (Багаев, 2008. С. 26–37) или зарубежных странах (Мерперт, 2008б. С. 7–11, 25; Кошеленко, 2008. С. 5–6; Мунчаев, Гуляев, Бадер, 2013; Амиров, 2008. С. 75–80) прямо соответствуют смыслу, заложенному в его замечательное имя «Рауф», подтверждая тем самым, что «имя – это характер» (Имя и судьба, 2006. С. 3–16). Сказанное проявляется и в его отношениях со своими многочисленными аспирантами из Москвы и Северного Кавказа, из Закавказья и Ближнего Востока.

Где бы ни работал Р.М. Мунчаев, в горах ли, предгорьях или в плоскостной зоне Чечни, он всегда умел находить общий язык с представителями местной власти и доброжелательными сельчанами,

станичниками. Так было и в селе Бамут, где археолог дружил с семьей Дарчиевых. Рауф Магомедович безотказно давал экспедиционную машину сельчанам для привоза стройматериалов (ведь многие строили дома после возвращения из депортации), сена, дров (газа тогда не было в селе) и прочих нужд, ибо с транспортом тогда было очень и очень трудно. Порой наша машина превращалась в «Скорую помощь», отвозя тяжелобольных в районную больницу, а то и в Грозный, в любое время суток. Обо всем этом по сей день помнят многие благодарные бамутчане.

Не только деловые, но и дружеские отношения связывали Рауфа Магомедовича с директором ЧИ НИИ ИЯЛ А.-Х.А. Саламовым, директором республиканского музея краеведения Ж. Зязиковой, известным чеченским писателем и прекрасным краеведом Х. Ошаевым. Да и сегодня в Чечне многие лично знают и помнят Мунчаева и очень тепло отзываются о нем, не забывая все, что он сделал для них лично и особенно для изучения древней истории чеченского и ингушского народов. Среди них есть учителя, врачи, механизаторы, общественные и государственные деятели, ученые, в том числе и непосредственные участники археологических экспедиций Р.М. Мунчаева – Алик Ганшуев, Наиб Хаяури, Нохчо Дарчиев, доктора филологических наук, профессора Ваха Тимаев, Хасан Туркаев, Зулай Дукузова (Хамидова).

В аспекте последнего добавлю следующее. В апреле месяце 2016 г. в Грозном была проведена Международная научная конференция «Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские Чтения» (Изучение и сохранение ... 2016). На этот форум из Москвы прилетел Рауф Магомедович и блестяще выступил с научным докладом на первом пленарном заседании. В перерыве я подвел к Рауфу двух мужчин со словами: «Рауф Магомедович, эти ребята хотят с Вами познакомиться». Надо было видеть лицо и глаза Рауфа! Нет, в них не было удивления – в них блеснула радость! «Нохчо!!! Наиб!!!» – громко воскликнул Рауф Магомедович и все трое слились в крепком мужском объятии... Да, это были бамутчане, участники экспедиций Рауфа. Через день, 20 апреля, Наиб Хаяури повез Рауфа Магомедовича и меня в Бамут, туда, где Рауф провел 10 столь памятных археологических сезонов, туда, где находятся корни его сегодняшней славы выдающегося кавказоведа. Мы побывали во всех незабываемых Рауфом местах, но самое главное – там, где проводились раскопки и где стоял наш классический археологический лагерь. Вскоре Наиб

получил письмо из Москвы от Рауфа Магомедовича, датированное 07.05.2016 г. С разрешения адресата, я процитирую часть этого послания:

«Мой дорогой Наиб! Шлю тебе сердечный привет и самые теплые и добрые пожелания.

До сих пор нахожусь под впечатлениями от посещения Грозного и особенно Бамута. После 15 лет работы там (в 1952–1967 гг.) я впервые через 50 лет побывал в Чечне и, в частности, в моем любимом и незабвенном Бамуте. Именно благодаря тебе мне удалось посетить за столь долгое время Бамут и Ачхой-Мартан. Большое спасибо!

Мне хочется, чтобы ты быстрее построил в Бамуте свой дом. Ты выбрал для него очень удачное место – на берегу Фортанги, рядом с лагерем нашей тогдашней экспедиции. С радостью был бы гостем Вашего дома и немного отдохнул бы там. Может быть, и рыбалка получилась бы!

Посылаю тебе несколько фотографий. Все они сделаны 20 апреля с.г., в том числе и в Бамуте. Это на память...».

Очень трогательное письмо, написанное без единой помарки и, характерным только для Рауфа, каллиграфическим почерком. В нем весь Рауф Магомедович – благодарный и душевный, внимательный и отзывчивый и в высшей степени воспитанный человек! Он не отделался телефонным звонком за оказанное ему внимание Наибом. Он не отделался краткой «СМС», что очень модно в наше время, не «сбросил» фотографии на телефон или компьютер Наиба, а написал теплое и сердечное письмо, как в добрые, старые времена, когда эпистолярный жанр был популярен не только в художественных романах, но и в живом общении меж собой людей, находившихся далеко друг от друга.

«Я буду хранить это письмо, как самое дорогое свидетельство о нашей дружбе с Рауфом Магомедовичем, о его 15-летнем пребывании в Чечне и 10-летнем в Бамуте», – сказал мне Наиб Хаяури. Думаю, что эти слова один из лучших подарков нашему дорогому юбиляру от Наиба Хаяури!

Общаясь с Рауфом Магомедовичем более 50 лет, я заметил в нем невероятное трудолюбие как в «поле», так и в тиши рабочего кабинета. Это подтвердит каждый, кто работал в его экспедициях или посетил ученого в его уютном кабинете в Институте археологии РАН, даже в эти дни, когда ему уже 90 лет жизни. Заметив в нем эту же черту, его друг, коллега, незабвенный Г.А. Кошеленко в 2008 г., в год 80-летия Рауфа Магомедовича, написал: «...поскольку Рауф был старшим из пяти сыновей в семье, ему очень рано пришлось приобщаться к труду. От-

сюда, видимо, и происходит его трудолюбие, отличающее его на протяжении всей научной карьеры и являющееся одним из главных залогов его научных успехов» (Кошеленко, 2008. С. 6).

В Бамуте же единственной отдушиной в столь плотном рабочем графике были «охота на зайца» и рыбалка. Но и это случалось лишь тогда, когда приезжали коллеги из Москвы, из разных уголков Кавказа, в том числе: незабвенные Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, В.Г. Котович, Д.М. Атаев, М.Г. Гаджиев, М.П. Абрамова, которые до конца своей жизни вспоминали «бамутские встречи у Мунчаева», а В.А. Кузнецов и В.И. Козенкова по сей день не могут забыть, как Рауф Магомедович искусно ловил форель в стремительном потоке горной реки Фортанги. А ночная охота на зайцев!? Но об этом я расскажу в следующей статье, посвященной, Ин ша Аллах, 100-летию юбилею нашего дорогого Рауфа Магомедовича. Одним словом, как говорится, талантливый человек талантлив во всем. Но ведь, как сказал крупнейший советский физик А.Ф. Иоффе: «Один талант ничто, нужна еще громадная трудоспособность, работа над собой, непрерывная работа всю жизнь...» (Слово о науке, 1981. С. 55).

Рауф Магомедович строго придерживается этого неписаного закона. Более того, за все годы нашей дружбы, я привык видеть в нем еще и такие качества, как сила воли, энтузиазм, терпение, желание осуществить свою мечту, стремление докопаться до истины, чувство нового в археологии, страсть к неожиданным открытиям, любовь к истине, утонченное мышление, подлинная кавказская мудрость, но самое главное и зримое – постоянное стремление отдать дань уважения своему учителю. Например, во всех своих трудах Рауф Магомедович достойно оценивает научные достижения Евгения Игнатьевича и при этом не упускает случая сказать еще и доброе слово о нем. Как известно, о значении преемственности в науке, об уважении к учителю, к его научным заслугам, которые не умаляют достижений ученика, а делают их более основательными, говорил еще в VI в. до н.э. Фалес Милетский – родоначальник античной философии (Слово о науке, 1981. С. 12).

Да, Евгений Игнатьевич Крупнов был и остается громадиной в кавказоведении. На его фоне, казалось бы, никому не удастся засверкать собственными научными успехами и достижениями. Однако жизнь многогранна: необязательно превзойти, затмить учителя. Достаточно дойти до его уровня, стать рядом, создав тем самым единое целое – своеобразное созвездие учителя и ученика, как это произошло в случае Е.И. Крупнова и его учителя В.А. Городцова..

Евгений Игнатьевич, став выдающимся ученым, влился в мощную плеяду известных кавказоведов, ядром которой были Н.Я. Марр и И.Я. Орбели, последователями которых позже стали И.И. Мещанинов, А.А. Иессен, Б.А. Куфтин, Б.Б. Пиотровский, М.И. Артамонов, А.П. Круглов и другие, а также ученые из Армении, Грузии и Азербайджана, создав тем самым могучее «Созвездие кавказоведов». Вот в него-то с достоинством вошел теперь и Рауф Магомедович Мунчаев.

Вместе с тем, герой нашего очерка Рауф Магомедович – особое светило в этом созвездии. Придя в археологию в конце 40-х – начале 50-х годов XX в., он всецело посвятил себя проблемам северокавказской археологии и прежде всего исследованию памятников куро-аракской, майкопской, северокавказской культур, главным образом в пределах Чечено-Ингушетии (Мунчаев, 2002. С. 27). В аспекте этого тезиса достаточно назвать исследованные им памятники как: Луговой могильник VI–V вв. до н.э. и подстилающий его слой энеолитического поселения (Мунчаев, 1963. С. 139); двухслойное поселение у сел. Сержень-Юрт (нижний слой эпохи ранней бронзы, а верхний – эпохи раннего железа) (Мерперт, 1962. С. 34; Мерперт, 2011. С. 228; Крупнов, 1960. С. 151–155; Мунчаев, 1962. С. 177; Мунчаев, 1975. С. 337–338; Козенкова, 2001. С. 5–6); два крупных разновременных курганных могильника (ранняя бронза и позднее средневековье) и поселение позднебронзового века у сел. Бамут, а также могильники каякентско-харачоевской и кобанской культур, включая и памятники скифо-сарматского времени в Веденском, Ножай-Юртовском, Курчалоевском, Шалинском и др. районах Чечни (Мунчаев, 2002. С. 28–35).

Результаты раскопок указанных и других объектов исторического значения послужили основой при написании первого тома двухтомной Истории Чечни (История Чечни ... С. 11–95). В наши дни АН ЧР, почетным академиком которой является Рауф Магомедович, готовит к изданию первый том четырехтомной Истории Чечни (2 и 3 тома уже изданы). Рауф Магомедович один из его авторов, и это величайшая честь для чеченского народа!

Сегодня, без преувеличения, можно сказать, что роль Рауфа Магомедовича Мунчаева в истории отечественного кавказоведения и особенно в изучении нахских народов, весьма велика. Если же к этому добавим Месопотамскую эпопею его научной карьеры (Мерперт, 2011. С. 295–367; Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2008. С. 63–74; Амиров, 2008. С. 75–80), то нашему восхищению его научным исследованием и

открытиям не будет предела, потому что, во-первых, все его творческое наследие наглядно демонстрирует, что перед нами ученый высшего класса с мировым именем. Во-вторых, он умеет видеть назревшие проблемы как в кавказоведении, так и в востоковедении (Археология Кавказа и Ближнего Востока, 2008), при этом смело их ставит и блестяще разрешает (Мерперт, 2008а; Мерперт, 2008б; Мунчаев, 2000; Мунчаев, 2007), привлекая к этому творчеству как именитых коллег, так и своих многочисленных учеников из России, Закавказья и Ближнего Востока (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2008; Амиров, 2008; Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004; Мунчаев, Амиров, 2016). Более ярко это проявлялось в период его работы в Ираке и Сирии.

В последнем примечательно то, что материалы Месопотамской экспедиции Рауфа Магомедовича Мунчаева вновь возвращают нас к проблеме переднеазиатско-кавказских связей, имевших место в V–IV тыс. до н.э. и отразившихся на процессе сложения и развития на Кавказе оседлоземледельческих культур переднеазиатского типа. Есть целая серия памятников, указывающая на эти связи (Мунчаев, Амиров, 2012. С. 39). Особенно активно проникала на Кавказ и, в частности, на Северный Кавказ урукская культура в IV тыс. до н.э. По твердому убеждению Р.М. Мунчаева, движущей силой, стимулировавшей «экспансию “урукцев” на смежные с Месопотамией, в первую очередь Анатолию и Кавказ, было стремление найти источники металла» (Мунчаев, 1975. С. 376). Фундаментально звучит и другой вывод археолога о том, что урукская культура способствовала сложению феномена Майкопа на Северном Кавказе, более того, отдельные группы племен этой культуры во второй половине IV тыс. до н.э. проникли в Предкавказье и положили начало формированию здесь майкопской культуры (Мунчаев, 2007. С. 8–9; Мунчаев, Амиров, 2012. С. 43). Однако сказанное не отрицает, и наоборот, наполняет новым содержанием тезис Рауфа Магомедовича Мунчаева, высказанный им в 2000 г. на Международной научной конференции в г. Махачкала: «Всем специалистам-исследователям древних культур Кавказа очевидно, что кавказские культуры достаточно самобытны и оригинальны и нет никаких оснований выводить их из Ближнего Востока или, тем более, связывать истоки того или другого кавказского народа с далекими месопотамскими предками, в частности, с шумерами, как это делают некоторые мифотворцы» (Мунчаев, 2000. С. 11–22). Это как бы ответ востоковеда многочисленным псевдоученым, которые пытаются убедить своих слушателей и чи-

тателей в том, что нахские народы вовсе не автохтоны Кавказа, а мигранты из древнего Востока.

И последнее. Британская писательница Маргарита де Блессингтон как-то сказала: «Горы кажутся больше, чем ближе к ним приближаешься, но великие люди в этом отношении не похожи на горы» (Душенко, 2008. С. 189) – и была права. Рауф Магомедович Мунчаев велик, находясь на любых расстояниях от нас. Поэтому я хочу приблизиться к нему и перейти на «ты» (у кавказцев нет формы обращения на «вы»), сказать: Рауф, ты великий ученый, ты славно и достойно прожил свои 90 лет! Но ты еще молод, потому, что в творческих вопросах, – как признался

советский физик Е.О. Патон, – молодость определяется не годом рождения, проставленным в паспорте, а умением и желанием работать, умением всего себя отдавать любимому делу (Слово о науке, 1981. С. 136), а всего этого тебе не занимать! Ты достоин, – как поется в известной песне, – отыграл первый тайм, но ведь впереди еще второй тайм, а там, глядишь, и дополнительных два коротких тайма, а потом и до пенальти рукой подать! Так что дерзай и твори! Дай-то Аллах тебе крепкого здоровья и силы на этом пути! И, как любил говорить наш незабвенный друг Николай Яковлевич Мерперт – Многая же лета тебе!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амиров Ш.Н., 2008. Работы российской археологической экспедиции в Сирии под руководством Р.М. Мунчаева // РА. № 3. С. 75–80.

Археология Кавказа и Ближнего Востока, 2008: сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М.

Багаев М.Х., 2008а. Кавказовед-Востоковед // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI: В честь 80-летия Рауфа Магомедовича Мунчаева. М. С. 26–29.

Багаев М.Х., 2008б. Археологические памятники древней Чечни в трудах Р.М. Мунчаева // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI: в честь 80-летия Рауфа Магомедовича Мунчаева. Москва; Магнитогорск; Новосибирск. С. 29–37.

Булатова А.Г., 2002. Лакцы // Народы Дагестана. М. С. 348–376.

Душенко К.В., 2008. Мысли, афоризмы, цитаты. Политика, журналистика, правосудие: 6000 цитат. 5-е изд. М.

Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа, 2016. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Грозный, 18–21 апр. 2016 г. Грозный.

История Чечни с древнейших времен до наших дней, 2006: в 2 т. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный.

Имя и судьба, 2006 / сост. Шелехова Т.Н. Кострома.

Козенкова В.И., 2001. Поселок - убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.

Кошеленко Г.А., 2008. О юбилее Рауфа Магомедовича Мунчаева // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI: в честь 80-летия Рауфа Маго-

медовича Мунчаева. Москва; Магнитогорск; Новосибирск. С. 5–25.

Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.

Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М. С. 217–242.

Магомедов А.Р., 1973. Культура Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы (на материалах раскопок Бамутского поселения): автореф. дис... канд. ист. наук. М.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. Северный Кавказ: очерки древней и средневековой истории и культуры.

Мерперт Н.Я., 1962. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. // КСИА. Вып. 88. С. 33–34.

Мерперт Н.Я., 2008а. К юбилею соратника и друга: Рауфу Магомедовичу Мунчаеву – 80 лет // РА. № 3. С. 55–63.

Мерперт Н.Я., 2008б. К восьмидесятилетию Рауфа Магомедовича Мунчаева // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М. С. 7–26.

Мерперт Н.Я., 2011. Из прошлого: далекого и близкого: мемуары археолога. М.

Мунчаев Р.М., 1962. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии: из результатов работ Северо-Кавказской экспедиции // СА. № 3. С. 176–198.

Мунчаев Р.М., 1963. Луговой могильник: (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М. С. 139–211.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Мунчаев Р.М., 2000. Древнейшая Месопотамия: некоторые итоги исследования Российской экспедиции РАН // Кавказ и степной мир в древности и в средние века: материалы Междунар. науч. конф. Махачкала. С. 11–22.

Мунчаев Р.М., 2002. К истории археологического изучения Чечни: (из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 гг.) // Культуры Чечни: история и современные проблемы. М. С. 25–37.

Мунчаев Р.М., 2007. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала. С. 8–9.

Мунчаев Р.М., 2016. Е.И. Крупнов – выдающийся исследователь археологии, древней и средневековой истории и культуры Чечни // Вестник АН ЧР. № 3. С. 69–73.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2008. 20 лет археологических исследований Российской экспедиции в Сирии // РА. № 3. С. 63–74.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., 2012. Еще раз о месопотамско-кавказских связях в IV–III тыс. до н.э. // РА. № 4. С. 37–46.

Мунчаев Р.М., Гуляев В.И., Бадер Н.О., 2013. Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 годы. М.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., 2016. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. Т.2. М.

Они были первыми, 2007: Очерки, посвящ. первым выпускникам Отд-ния вайнахской филологии Чеченского гос. ун-та. Грозный.

Сафаралиева Э.Я., 1994. Как тебя зовут? Махачкала.

Слово о науке, 1981: Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. Кн. 2 / сост., авт. предисл. и введений к главам Е.С. Лихтенштейн. М.

М. Kh. Bagaev

FROM BAMUT KURGANS IN CHECHNYA TO MESOPOTAMIAN TELLS

Abstract. The author of the paper recollects the time when he worked in the archaeological expedition led by Rauf Magomedovich Munchaev in Chechnya in the 1960s, with a particular emphasis on R.M. Munchaev's personal qualities and traits of a scholar. He also emphasizes that R.M. Munchaev is credited with the discovery and examination of archaeological sites dating to the Eneolithic, the Bronze Age and subsequent periods near the villages of Lugovoye, Serzhen-Yurt, Bamut etc., in Chechnya. In conclusion, the author congratulates Rauf, an orientalist and a renowned specialist in Caucasian studies, on the occasion of his wonderful 90th birthday.

Keywords: Rauf Magomedovich Munchaev; Caucasus; archaeological studies; Trans-Caucasus; Near East; Mesopotamia; Chechnya; Ingushetia; Lugovoye; Serzhen-Yurt; Bamut; expedition; excavations; specialist in Caucasian studies; orientalist.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИРАКЕ: ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИ В МЕСОПОТАМИИ

Резюме. Статья представляет собой воспоминания о работах первой российской археологической экспедиции в Месопотамии под руководством Р.М. Мунчаева. Этот археологический проект, проведенный в 1969–1980 гг. и охвативший эпохи от докерамического неолита до эпохи халколита (в интервале VIII – IV тыс. до н.э.), стал яркой страницей отечественной археологии. Эти работы обогатили мировую науку и значительно расширили наши знания о разных периодах становления производящей экономики на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Р.М. Мунчаев; Месопотамия; эпоха докерамического неолита; эпоха халколита; первые археологические исследования российской экспедиции в Ираке.

Как быстро и неотвратно бежит время! И за свою относительно короткую жизнь человек редко может осознать всю грандиозность и фантастическую скорость происходящих вокруг перемен. Так было и с нами – участниками первой российской археологической экспедиции в Ираке, работавшими там в 1969–1980, 1984–1985 гг. Казалось бы, это происходило совсем недавно – каких-нибудь сорок с небольшим лет назад. А уже стираются в памяти многие даже самые яркие и значимые события в истории экспедиции. Увы, нет с нами и восьмерых дорогих товарищей – Петра Дмитриевича Даровских, Андрея Васильевича Кузы, Гориславы Николаевны Лисицыной, Мусы Умаровича Юнисова, Владимира Александровича Башилова, Идеала Гамидовича Нариманова, Николая Яковлевича Мерперта и Николая Оттовича Бадера. Да и между Ираком современным и временем 70-х годов прошлого века лежит огромная пропасть. Эта страна больше никогда не будет такой, какой она была до американского вторжения 2003 г. Мы видели в предвоенную пору Ирак богатым и процветающим государством, в котором сельское хозяйство обеспечивало все потребности общества в продовольствии и сырье, а нефть позволяла приобретать за рубежом любые потребительские товары и новинки техники. Бурно развивалась промышленность. Строились дороги,

плотины, каналы, аэропорты. На глазах менялся и вырос многомиллионный Багдад.

Но у страны имелся и еще один важный внутренний ресурс – ее богатейшая и весьма почтенная по возрасту история, вполне осязаемые следы которой представлены в тысячах «теллей» – искусственных холмов, хранящих в своих глубинах руины бесчисленных городов и селений, которые процветали на просторах Ирака – древней Месопотамии на протяжении последних десяти тысяч лет. Именно здесь еще на заре истории, в конце IV – начале III тыс. до н.э., родилась одна из наиболее выдающихся и самая первая цивилизация древности – шумерская. С тех пор территория Месопотамии (или Двуречья) – продукт деятельности двух великих азиатских рек Тигра и Евфрата – надолго становится ареной самых ярких и драматических событий мировой истории. «Мы знаем сегодня, – пишет немецкий историк Э. Церен, – что в недрах этой земли скрыты древнейшие культуры, созданные человечеством. Там находится колыбель нашей культуры, колыбель человеческого гения, его представлений и понятий, его веры и убеждений». Вот почему Ирак всегда привлекал к себе внимание археологов многих стран, и раскопки велись здесь с 40-х годов XIX в. Получили всемирную известность и вошли во все школьные учебники по истории открытия французских, английских

и немецких ученых в Ниневии, Нимруде, Ашшуре, Уре, Уруке, Вавилоне. К 1980 г. в стране работали (не считая собственно иракских) свыше пятидесяти зарубежных археологических экспедиций, и в их числе (с 1969 г.) экспедиция Института археологии Академии наук СССР, которую возглавил Р.М. Мунчаев. За 12 полевых сезонов (1969–1980 гг.) она добилась впечатляющих успехов в изучении раннеземледельческих поселений VIII–IV тысячелетий до н.э. в Синджарской долине, близ города Телафар, в 90 км к западу от города Мосула.

Ниже я хочу поделиться своими воспоминаниями о тех великолепных и незабываемых годах, когда все мы, сотрудники российской экспедиции, тогда молодые и амбициозные, без устали работали сразу на нескольких «телях», познавая нелегкие уроки месопотамской археологии. О научных результатах этих раскопок написано и опубликовано довольно много. Это, прежде всего, монографии Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии» (1981 г.) и Н.О. Бадера «Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии» (1989 г.), а также десятки статей, изданных в нашей стране и за рубежом (Англия, США, Ирак) в научных журналах и тематических сборниках по археологии Ближнего Востока. Однако, что касается популяризации наших открытий в Синджарской долине на северо-западе Ирака для широких читательских кругов в России, то здесь дела обстоят не так уж успешно: две-три небольшие статьи в научно-популярных журналах и две книги: В.И. Гуляева «В стране первых цивилизаций: Ирак» (Гуляев, 2006) и Р.М. Мунчаева, Н.О. Бадера, В.И. Гуляева «Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 годы» (Мунчаев и др., 2013).

Кроме того, хорошо известно, что археологи, постоянно работающие по долгу своей профессии в «поле», «на природе», обычно не любят говорить публично, а тем более писать о своей жизни в экспедициях, о повседневном полевом быте, о своих трудностях и переживаниях, о взаимоотношениях с коллегами – словом, обо всем, что, по их глубокому убеждению, выходит за пределы «чистой» науки. Не освещается, как правило, в научной (и, тем более, в научно-популярной) литературе и такой важный для любого археолога вопрос, как организационно-практическая подготовка и проведение каждой своей экспедиции. Поэтому большинство людей видят работу археологов только в романтическом ореоле необыкновенных приключений и сенсационных открытий.

В действительности все обстоит куда сложнее и прозаичнее: есть, конечно, в жизни любого архе-

олога и элементы романтики, гораздо реже, но случаются и необыкновенные открытия, но куда больше в ней повседневной «прозы жизни»: устройство быта, организация раскопок, контакты с местными властями и т.д. И, кстати, именно эти тривиальные, на первый взгляд, вопросы отнимают у археологов больше времени, нервов и сил, нежели «чистая» наука. Однако перечисленные проблемы во много раз усугубляются в том случае, если археологи работают не на родной земле, а за границей. Именно о такой истории – о «ярымской», или «иракской» эпопее и пойдет ниже речь. И для этого придется заметно поднапрячь свою память.

Впервые я попал в Ирак в апреле 1970 г. Мои товарищи – участники российской археологической экспедиции – уже больше месяца трудились здесь в поте лица, изучая поселения ранних земледельцев на северо-западе страны, в Синджарской долине. Меня же решили включить в состав этого дружного коллектива в самый последний момент. Оформление зарубежной командировки, да еще в далекую арабскую страну, заняло почти два месяца. По согласованию с начальником экспедиции – Р.М. Мунчаевым – я должен был самостоятельно прилететь в Багдад и там ждать приезда руководства в одном из местных отелей. Кстати, если посмотреть на карту, то для того, чтобы присоединиться к товарищам, мне предстояло пересечь добрую половину Ирака – от иракской столицы и почти до сирийской границы.

И вот ясным апрельским утром у ворот тихого багдадского отеля «Опера», где я уже второй день томился в ожидании известий от коллег, остановился запыленный грузовик ГАЗ-53. В его кабине величественно восседали наш шофер Миша (Муса) Юнисов в лихо сдвинутом набок (когда-то голубом, а теперь почти белом) берете и начальник («мудир» – араб.) Иракской археологической экспедиции ИА АН СССР Рауф Магомедович Мунчаев. Энергичные, уже успевшие до черноты загореть под палящим месопотамским солнцем, они быстро впили меня с моим чемоданом в кузов, и путешествие «через половину Ирака» началось. Условия для меня создались почти царские: грузовик был забит старой мебелью, списанной за ненадобностью каким-то российским учреждением в Багдаде и потому с легким сердцем отданной для наших экспедиционных нужд, – диван, кресла, столы, стулья. Устроившись в мягком кресле с продавленными пружинами, я вслушивался в звуки просыпающейся иракской столицы. И все пытался разглядеть вокруг какие-то осязаемые следы эпохи Харун ар-Рашида и других знаменитых персонажей из сказок «Тысячи и одной

ночи». Но Багдад, с его шумными улицами, стадами разномастных автомобилей и вполне современными зданиями, мало чем напоминал сказочный город халифов. Картина изменилась лишь за его пределами: здесь уже безраздельно господствовала муза истории – Клио.

Широкая лента асфальтового шоссе плавно ложится под колесами автомобиля. Мелькает жесткая зелень финиковых пальм, аккуратные кубики желто-коричневых глинобитных селений. Густо дымят, словно старинные броненосцы, высокие квадратные трубы многочисленных печей маленьких кирпичных заводиков. А вокруг на многие километры раскинулась унылая, опаленная солнцем лессовая равнина. Ни кустика, ни деревца, ни травинки. В природе господствуют только два цвета – серый и желтый, цвета пустыни.

Но однообразие пейзажа в Месопотамии очень обманчиво. По обочинам дороги то и дело выплывают из знойного марева облезлые купола мавзолеев с гробницами мусульманских святых, руины старых городов, замков и селений. Даже на долю искушенного археолога такие поездки выпадают не часто. Преодолевая эти 500 километров, отделяющие Багдад от Телафара, я в буквальном смысле слова окунулся в самые глубины тысячелетней истории страны. Прямо на дорожных откосах лежат голубые россыпи обломков поливной керамики. С нашей, европейской точки зрения, это почтенное Средневековье, X, XI, XII века. Однако в рамках общей истории Ирака – всего лишь кратковременный, хотя и яркий эпизод. Под руинами мусульманских построек повсюду скрыты многометровые напластования следов бесчисленных культур, которые сменяли друг друга на протяжении многих тысячелетий. Стоит заметить один интересный факт, как услужливая память тут же подсказывает тебе и еще кое-что. Именно в Ираке находились два знаменитых чуда света, упомянутые в Библии, – Вавилонская башня и висячие сады Семирамиды. Именно здесь, на иракской земле, бушевали когда-то губительные волны всемирного потопа. Древние греки называли эту страну Месопотамией (от слов «месос» – середина и «потамос» – река, что можно перевести как «Междуречье»). Современное название страны – Ирак – имеет в переводе с арабского тот же самый смысл: «земли, лежащие по берегам». С незапамятных времен жизнь в этом краю щедрого южного солнца была возможна только близ источников воды, прежде всего, вдоль великих азиатских рек Тигра и Евфрата. Благодатные лессовые почвы этих речных долин при должном уходе и искусственном орошении давали невиданные урожаи

пшеницы и ячменя. И неудивительно, что именно здесь, в Месопотамии родилась самая первая на нашей планете цивилизация – шумерская. Шумеры породили Вавилон и Аккад. На смену им пришла воинственная Ассирия. Персы, греки, скифы, парфяне, римляне, арабы – все они в той или иной мере были наследниками первой цивилизации Двуречья. «Их (шумеров. – В.Г.) цивилизация, – писал известный английский археолог сэр Леонард Вулли, – вспыхнув в еще погруженном в варварство мире, была действительно первой. Прошли те времена, когда начало всех искусств искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу, вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок собрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона и Ассирии. Но корни идут еще дальше: за ними всеми стоит Шумер».

Но вернемся из глубины веков в век двадцатый! Солнце поднялось довольно далеко и стало ощутимо припекать голову и плечи. По времени мы должны были проехать от Багдада не меньше ста километров. Местность же вокруг по-прежнему оставалась плоской и унылой. И вдруг впереди, словно мираж пустыни, какими-то неясными, размытыми контурами проступили на горизонте темная полоска зелени, серые соты домов и желтый купол какого-то крупного здания. «Самарра! Золотая мечеть!» – крикнул мне Миша, наполовину высунувшись из кабины. Да, это была она – знаменитая столица халифов Аббасидов, куда они на целых 56 лет перенесли свой трон, бежав из многолюдного и беспокойного Багдада. В центр города мы, однако, не поехали. Дорога круто повернула налево, к бетонной плотине через реку Тигр. С высоты своего положения я мог отчетливо разглядеть и голубые изразцы, и огромный, крытый золотом купол знаменитой мечети ар-Рауд ал-Аскария (здесь находятся могилы шиитских имамов), и спиральный 50-метровый конус минарета Мальвия. Миновали плотину. И опять палящее солнце, ровный гул мотора и серо-желтое безмолвие вокруг.

Постепенно рельеф становится холмистее. В большом селении Бейджи (в 200-х км от иракской столицы) традиционная остановка для отдыха: водители и пассажиры наскоро едят и пьют в местных ресторанчиках и харчевнях. Здесь, в Бейджи, или где-то рядом, видимо проходит невидимая граница между двумя микроклиматическими зонами. Это явно ощущаешь и по погоде, и по окружающей местности. Холмы становятся выше и многочисленнее. Кое-где по склонам зеленеет трава. Появляются

первые участки с посевами пшеницы и ячменя. Видимо, в этих местах дождей уже хватает для неплывного земледелия.

Справа, там, где вдаль темнеет неровная линия высокого берега Тигра, вижу ответвление дороги. Указатель с надписью по-английски и по-арабски: «Шургат (Шеркат), 120 км». Шургат – это современный арабский городок, примостившийся прямо у подножья высоких валов древнего Ашшура – первой столицы грозной Ассирийской державы. Это место знаменито не только своей важной ролью в истории Месопотамии, но и тем, что здесь практически родилась и прошла свои первые университеты современная месопотамская археология. На крутых откосах Тигра одиннадцать лет, с 1903 по 1914 г., звенели лопаты и кирки местных рабочих-арабов, а усеянную щебнем и обломками керамики глинистую землю рассекали строгие линии траншей и шурфов. Немецкий археолог Вальтер Андре учился здесь копать строго научно: послойно, с фиксацией глубины залегания и отдельных находок и архитектурных сооружений. Это был совершенно новый этап в развитии археологии, сменивший в Месопотамии прежние, по сути своей кладоискательские раскопки, проводившиеся Боттой, Лэйярдом, Рассамом и Сарзеком в XIX в. К тому же, работавшие в экспедиции Андре местные арабы приобрели прекрасный полевой опыт, превратившись в подлинных знатоков земляных работ. С тех пор, шургатцы – жители Шургата – стали незаменимыми помощниками профессиональных археологов – зарубежных и иракских.

Еще несколько десятков километров, и налево, в пустыню, уходит от главного шоссе еще одна наезженная дорога. Она ведет в Хатру, некогда знаменитый торговый, политический и культурный центр Северной Месопотамии, где сходились влияния Востока и Запада, Севера и Юга и где купцы продавали на шумных базарах товары из далекой Индии и Ирана, из Аравии и с берегов Средиземного моря. Надо сказать, что этот древний город поистине уникален: он весь построен из местного прочного камня и тем разительно отличается от глинобитной архитектуры остального Двуречья¹.

Уже под вечер, когда наш грузовик с трудом взобрался на вершину высокого каменистого холма, я увидел в предзакатных лучах солнца незабываемую картину. В огромной естественной котловине, сквозь дымку испарений, едва проступали контуры бесчис-

ленных жилых кварталов, состоящих из одноэтажных и двухэтажных домиков. Над ними то здесь, то там возвышались голубые купола мечетей и острые иглы минаретов. Буйная зелень парков и садов, аромат цветущих роз, шумная, по-восточному пестрая толпа на улицах, бесконечные ряды харчевен и лавок создавали какую-то неповторимую атмосферу всеобщего праздника, карнавального веселья. Это был Мосул – вторая столица Ирака, Уммал-рабийян, «город двух весен», как его называют местные жители за хороший климат, особенно приятный осенью и весной. Поставив машину возле красивого здания городского музея, утопающего в цветущих кустах роз, мы отправились в ближайшую харчевню. Возвращались уже в сумерках. На улицах зажглись фонари. Толпа стала гуще и оживленнее. И, вдруг, проходя по узкому грязноватому переулку, ведущему к музею, Рауф Магомедович задумчиво сказал: «Сегодня в лагерь попасть мы уже не успеем. Придется ночевать в Ниневии». Миша как-то безразлично согласился: «В Ниневии, так в Ниневии». Я же в первый момент несколько растерялся. Конечно, подумалось мне, мы, археологи, люди ко всему привыкшие, но зачем же нам из живого и веселого города ехать на ночь глядя к руинам древней ассирийской столицы и спать там среди развороченных холмов и могил, на пронизывающем ветру, под вой шакалов?

«Это та самая Ниневия, которую копал в XIX веке англичанин Лэйярд?» – робко спросил я нашего внешне невозмутимого начальника, надеясь в глубине души, что речь идет о другой, более современной единице поселения, лишь однофамилице своей более знаменитой сестры. «Та самая» – лаконично ответил Рауф Магомедович и решительно открыл дверцу кабины. Одолеваемый самыми мрачными предчувствиями, я кое-как устроился среди своей мебельной рухляди и приготовился к долгому пути. Миша лихо выкатил на центральную городскую площадь, пересек длинный, весь в огнях, мост через широкий полноводный Тигр, и мы очутились словно в другом мире. Впереди, чуть правее шоссе, на высоком холме можно было едва различить скопления каких-то старинных зданий, над которыми возвышался на фоне быстро темнеющего неба, словно «перст указующий», тонкий минарет старинной мечети Наби-Юниса. Влево от него уходила длинной лентой странная рыжеватого оттенка глинистая стена.

Уличные фонари освещали ее во всем великолепии. «Это же и есть валы Ниневии, место нашего вынужденного ночлега», – догадался я с некоторым опозданием. Но мы едем дальше. Едем километр,

¹ По сообщениям зарубежной и российской прессы, игиловцы, захватив Хатру в 2015 г., взорвали все ее наиболее известные храмы и дворцы.

другой, третий. А древние валы все не кончаются. Наконец, грузовик поворачивает направо, огибает эту бесконечную стену и въезжает внутрь городища, в чудесный сад, обрамленный стройными колоннами кипарисов. В глубине его вижу приземистый прямоугольник большого глинобитного строения, посыпанный щебнем просторный двор, навесы для машин. Из сторожки выходит высокий худошавый араб в длинном коричневом плаще и с фонарем в руке. Он пытливо осматривает наш грузовик, пассажиров и, слегка улынувшись, делает приветливый приглашающий жест: «Фаддаль» («Пожалуйста» – араб.). Спать на могильных холмах сегодня явно не придется. Оказывается, мы находимся на базе постоянно действующей Ниневийской археологической экспедиции Директората древностей Ирака. Сотрудников экспедиции сейчас нет, поскольку сегодня выходной, они предпочитают провести время в городе. Но сторож согласен предоставить нам и стол, и дом.

Полчаса спустя, совершенно обессиленный от долгой дороги и переполнявших меня впечатлений, я уже лежал в отдельной комнате на удобной металлической кровати и думал о том, что завтра меня ждет Ярым-Тепе, лагерь экспедиции и долгожданная встреча с товарищами. Засыпая под мелодичное пение муэдзина (видимо, где-то рядом с базой находилась мечеть), я бормотал себе под нос: «Ну вот я и в Ираке, древней Месопотамии, среди холмов Ниневии, проклятой Библией ассирийской столицы!».

С тех пор каждую весну в течение последующих десяти лет (1971–1980 гг.) я постоянно приезжал в Ирак в составе российской археологической экспедиции для раскопок древних поселений в Синджарской долине. Удалось поехать по стране и познакомиться со многими всемирно известными памятниками прошлого: Ур, Нимруд, Ашшур, Хатра, Вавилон. Но я совершенно сознательно довольно пространно изложил свои самые первые впечатления о стране легендарных халифов и бесчисленных, исчезнувших в веках, цивилизациях. А, как известно, первые впечатления всегда самые объективные и самые яркие. И теперь пора обратиться к делам нашей экспедиции и работавшим в ней людям.

Весной 1969 г., согласно специальному соглашению между Директоратом древностей Иракской республики и Академией наук СССР, в Месопотамию отправилась первая российская археологическая экспедиция, созданная на основе Института археологии АН СССР. Ее возглавил заместитель директора Института Рауф Магомедович Мунчаев.

Какие же научные проблемы собирались решать на месопотамской земле наши археологи?

Сейчас трудно себе представить, что каких-нибудь 50–60 лет назад солидные археологические монографии и журналы хранили полное молчание о дописьменной, дошумерской истории Ирака. Археологические исследования велись главным образом на юге и в центре Великой Месопотамской равнины, среди руин некогда цветущих городов Шумера, Вавилона, Ассирии, а север Месопотамии оставался почти в полном забвении. Лишь постепенно, к 50-м годам XX в. удалось, благодаря довольно скромным по масштабам раскопкам нескольких древних поселений (теллей) Сирии и Ирака, создать приблизительную картину развития дописьменных раннеземледельческих культур, состоявшую из трех периодов. По принятой среди археологов традиции, каждый такой период получил название той местности или пункта, где проводились первые раскопки. Так появились на свет последовательно сменявшие друг друга культуры: Хассуна (VI тыс. до н.э.), Халаф (V тыс. до н.э.) и Убейд (конец V – IV тыс. до н.э.). Но информации о них было еще ничтожно мало, и не удивительно, что именно эти ранние памятники на севере Месопотамии заинтересовали россиян прежде всего. Неподалеку от городка Теллафар в Синджарской долине было обнаружено во время рекогносцировочной поездки Н.Я. Мерперта и Н.О. Бадера сразу несколько древних теллей. Один из них был наполовину размыт водами ручья. Отсюда и название всей окружающей местности – Ярым-Тепе, что означает по-тюркски «половина холма». Уже первый осмотр теллей обнадеживал: прямо на поверхности трех из них лежали обломки глиняной посуды, относящейся к трем основным этапам развития раннеземледельческой культуры Месопотамии – хассунскому (Ярым-Тепе I), халафскому (Ярым-Тепе II) и убейдскому (верхняя часть телля Ярым-Тепе III). На крохотном «пяточке» площадью менее одного квадратного километра наглядно запечатлелась почти вся история первых земледельцев Древнего Востока, от ее начала и до порога шумерской цивилизации.

Подходящий объект для раскопок был таким образом выбран, и теперь оставалось лишь приступить к практической работе. Но здесь и возникли сложные организационные проблемы. Легко ли было организовать большую российскую археологическую экспедицию в Ираке, по сути дела, на пустом месте, без какого-либо знания страны и характера местных древностей. Сложность наших первых шагов на ниве месопотамской археологии заключалась в том, что мы просто не имели права «потерять свое лицо» перед другими иностранными экспедициями,

работать менее успешно, чем они. И надо отметить, что свои «археологические университеты» в Ярыме мы прошли достаточно быстро и хорошо. Видимо, здесь сыграл свою роль общий высокий уровень профессиональной подготовки всех членов экспедиции, их энтузиазм, готовность учиться всему новому и полезному, работать самозабвенно, не считаясь со временем и затратой сил. Об уровне квалификации нашего научного состава красноречиво говорит только один факт: в 1980 г. (это последний год работы экспедиции в Ярым-Тепе) из восьми научных сотрудников (девятым был шофер – М.У. Юнисов) четверо были докторами (Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт, О.Г. Большаков, В.И. Гуляев) и четверо – кандидатами исторических наук (Н.О. Бадер, В.А. Башилов, А.В. Куза, И.Г. Нариманов). Подобной концентрацией великолепных научных сил не могла тогда похвастаться ни одна другая зарубежная экспедиция.

Уже по прошествии первых двух-трех полевых сезонов стало ясно, что свой самый трудный экзамен – достойно «войти» в месопотамскую археологию – мы в целом выдержали успешно. И главную лепту в успех наших исследований в Ираке внес, бесспорно, наш начальник – Рауф Магомедович Мунчаев, имевший до этого богатый опыт археологических раскопок на Северном Кавказе.

Именно он, наряду с дирекцией Института археологии АН СССР, принимал самое активное участие в подборе состава экспедиции. Именно на его плечи лег и основной груз организационно-административной работы, да еще в условиях дальнего зарубежья. Достаточно на миг представить себе круг его обязанностей, особенно на первых порах функционирования «ярымского проекта», чтобы проникнуться к нему искренним уважением и благодарностью. Перечислю лишь самые важные из них. Выбор места для постоянного лагеря экспедиции и его обустройство, налаживание снабжения продовольствием и водой (и питьевой, и для бытовых нужд), наем рабочих, организация полевых исследований сразу на нескольких объектах (Ярым-Тепе 1, Ярым-Тепе 2, Телль-Сотто и др.), поддержание контактов с иракскими властями и взаимоотношения с Посольством СССР в Багдаде. И, как показали все годы пребывания нашей экспедиции в Ираке, Рауф Магомедович справлялся с названными проблемами не просто хорошо, а, можно сказать, блестяще.

Местность, где мы обосновались – город Телафар и его окрестности, – был населен не арабами, а туркманами, поскольку в прошлом входил в состав Мосульского вилайета Османской Турции. Здесь и выяснилось, что Мунчаев, выросший в многоэт-

ничном Дагестане, свободно владеет местным диалектом языка, что, естественно, заметно облегчало внешние контакты нашей экспедиции (наем рабочих из окрестных деревень, общение с властями и торговцами Телафара).

Представляется, что наиболее важной, и отнюдь не легкой, обязанностью нашего начальника были регулярные (раз в две-три недели) поездки из Ярыма в Багдад за получением в Посольстве СССР денег для выплаты зарплаты рабочим. Поездки эти занимали обычно несколько дней и требовали значительного напряжения моральных и физических сил, поскольку для преодоления 500 км от Ярым-Тепе до иракской столицы приходилось использовать несколько видов транспорта (такси, автобусы, поезд Мосул–Багдад). Как правило, Рауф Магомедович сопровождал в таких поездках наш главный знаток арабского языка (ныне главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, доктор исторических наук, профессор) Олег Георгиевич Большаков. Обычно мы с нетерпением ждали возвращения «мудира», так как он привозил и дорогие сердцу «весточки с Родины» – письма. От успеха личных контактов с чиновниками Посольства зависел, несомненно, во многом и общий успех нашей экспедиции. И, надо сказать, что Рауф Магомедович всегда выполнял эту свою деликатную «дипломатическую» миссию просто блестяще. На всем протяжении нашего пребывания в стране (с 1969 по 1985 г.), к нам относились с искренней симпатией и всегда были готовы помочь самые первые официальные лица Посольства, что обеспечивало надежной государственной поддержкой наши археологические исследования и нашу жизнь в далекой арабской стране. Вот что говорит об этом сам Рауф Магомедович. «С большой теплотой и благодарностью мы постоянно вспоминаем наших дипломатов, работавших в Багдаде в конце 60-х – 70-е годы прошлого века. Как же они нам здорово помогали! Достаточно сказать, что наша экспедиция была единственной из всех зарубежных археологических экспедиций, работавших в Ираке, которую постоянно посещали самые высокие лица Посольства СССР. Сейчас трудно назвать всех поименно. Но нельзя не отметить Олега Витальевича Ковтуновича, Михаила Александровича Крапивина, Кима Ахмедовича Кошева, Виктора Викторовича Посувалюка и особенно Феликса Николаевича Федотова. Все они были необычайно внимательны к нам и охотно выполняли любую нашу просьбу. А какая была радость, когда они приезжали к нам на Ярым-Тепе!». Эти теплые и дружеские отношения сохранялись и позднее. Ф.Н. Федотов, бу-

лучи после Ирака Чрезвычайным и Полномочным Послом Советского Союза в Йемене и Сирии, во многом содействовал организации российских историко-культурной экспедиции в Йемен и археологической (с 1988 г.) в Сирию.

Выше уже отмечалось, с какой сложной ситуацией столкнулись российские археологи, приступив к раскопкам в Ираке, не имея даже элементарного опыта в особенностях месопотамской археологии. Но уже спустя два-три года дела нашей экспедиции пошли совсем неплохо, о чем наглядно свидетельствовали и наши находки, и пристальное внимание и уважение к нам со стороны зарубежных коллег. Благодаря раскопкам в Синджарской долине, мы получили возможность познакомиться со всеми крупными западными специалистами в области месопотамской археологии, причем многие из них посетили наши раскопки в Ярым-Тепе. Здесь побывали, например, известный английский археолог, автор фундаментальной монографии «Археология Месопотамии» (в 1984 г. переведена на русский язык) профессор Сетон Ллойд, глава Немецкого археологического института в Багдаде доктор Юрген Шмидт, профессор Фудзи из Токийского университета и многие другие. В Ираке мы познакомимся на одном из официальных приемов с крупнейшим американским археологом-востоковедом профессором Робертом Мак-Адамсом. Через совместные российско-американские симпозиумы по археологии Ближнего Востока и Средней Азии (они проходили раз в два года, попеременно в СССР и в США) мы установили прочные научные контакты с такими известными учеными, как Роберт Брейдвуд (Чикагский университет), Роберт Дайсон (Музей Пенсильванского университета в г. Филадельфия), Карл К. Ламберг-Карловски (директор Музея Пибоди Гарвардского университета) и др.

Я не говорю уже о ведущих иракских археологах – Фуаде Сафаре, Фавзи Рашиде, Тарике Мадлу-не и др., неоднократно посещавших Ярым-Тепе и принимавших нас в Багдаде. Словом, опыт международного научного сотрудничества, полученный нами благодаря многолетним и успешным полевым исследованиям на иракской земле, был и разнообразен, и очень полезен.

Теперь о людях нашей экспедиции. В разные годы в составе Иракской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР работали 14 человек, из которых трое были техническими сотрудниками, а одиннадцать – научными. Из последних, О.М. Джапаридзе (профессор Тбилисского университета), С.С. Ширинский и

П.Д. Даровских работали в Ярыме по одному полному сезону, Г.Н. Лисицына – неполных два, а все остальные – по много лет. Но независимо от срока своего пребывания в Месопотамии, все они – яркие и творческие личности, профессионалы своего дела, и каждый из них заслуживает особого внимания и самых добрых слов. К глубокому сожалению, большинство из них уже ушло из жизни. Мы (Р.М. Мунчаев, Н.О. Бадер и я) постарались, хотя бы частично, дать представление об этих необыкновенных людях в своей книге «Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 годы». Но, по правде сказать, многие из наших коллег заслуживают отдельной книги. И лучше всего о них сказал Рауф Магомедович, ведь именно он подбирал подходящих специалистов в разных академических институтах (хотя в основе всегда был наш Институт археологии), именно он руководил ими в «поле», наблюдая, каковы эти кадры в деле, на пыльных раскопах Ярыма. «Считаю своим долгом, – вспоминает он, – отметить здесь имена российских первопроходцев в археологии Месопотамии. Это Николай Яковлевич Мерперт, Николай Оттович Бадер, Владимир Александрович Башилов, Олег Георгиевич Большаков, Валерий Иванович Гуляев, Андрей Васильевич Куза, Идеал Гамидович Нариманов, Отар Михайлович Джапаридзе, Горислава Николаевна Лисицына, а также Петр Дмитриевич Даровских и Муса Умарович Юнисов. В чрезвычайно тяжелых природно-климатических условиях Северо-Западного Ирака эти люди вложили не только свой огромный труд и профессиональный опыт, но душу и сердце в обеспечение успехов ярымской эпопеи...» (рис. 1–9).

В заключение надо сказать самые теплые слова и в адрес нашего дорогого начальника – Рауфа Магомедовича Мунчаева. Его личные качества во многом способствовали созданию в узком «ярымском» мире, где девять мужчин в течение трех месяцев вынуждены были жить бок о бок, на трудной работе и в тяжелом климате, но зато в атмосфере дружбы и товарищества. Человек далеко не железного здоровья, внешне очень сдержанный, наш начальник всегда был готов помочь другим сотрудникам экспедиции в случае необходимости. Капризы местной погоды, непривычные пища и вода, огромные физические и эмоциональные нагрузки на раскопках отнюдь не способствовали постоянному поддержанию идеальной физической формы. Наиболее распространенными «хворями» были желудочные инфекции, заболевания сердца и сосудов (от резких перепадов температуры, атмосферного давления,

влажности и т.д.), но мы научились их довольно успешно лечить «домашними» средствами (энтеросептол, фталазол, анальгин, валидол, аспирин, но-шпа и т.д.). Однако были и более серьезные случаи, когда от Рауфа Магомедовича требовались весьма решительные шаги, вплоть до эвакуации заболевших на Родину (Муса Умарович Юнисов с кровоточившей язвой желудка, Горислава Николаевна Лисицына с жесточайшей аллергией). Именно «мудир» был инициатором и организатором столь желанных для нас «ярымских» традиционных праздников: 25 апреля (день рождения Андрея Кузы), 1 и 9 мая, 2 июня (день рождения О.Г. Большакова). В выходные дни (мусульманская «джума» – пятница), если позволяли погода и настроение, мы выезжали в ближние и дальние экскурсии по стране: Белет-Синджар, Хатра, Ниневия, Нимруд, Ашшур, Вавилон, Ур, Ктесифон и другие, всемирно известные памятники древности Месопотамии.

В сентябре 2018 г. Рауфу Магомедовичу исполнилось 90 лет, и, на мой взгляд, будет очень полезно напомнить коллегам о давних и полузабытых страницах истории первого российского археологического проекта в Ираке, которым так успешно руководил юбиляр. А свои личные пожелания дорогому Рауфу я хотел бы облечь в чеканные строки знаменитого дагестанского (аварского) поэта Расула Гамзатова:

*«Остановись, мой конь, остановись,
Натянутым поводьям покорись,
Осталась где-то юность за спиною.
Скачи, мой конь, вдоль скальных амбразур,
Переходи на бешеный аллюр,
Тебе ль не знать, что молодость со мною?!»*

P.S. Так будь же Рауф вечно молодым!
Служи нам образцом и мудрости и чести!

В.Г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Гуляев В.И., 2006. В стране первых цивилизаций: Ирак. М.

Мунчаев Р.М., Бадер Н.О., Гуляев В.И., 2013. Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 годы. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.

V.I. Gulyaev

RECOLLECTING IRAQ: FIRST RUSSIAN ARCHAEOLOGISTS IN MESOPOTAMIA

Abstract. The paper recollects excavations of the first archaeological expedition led by R.M. Munchaev in Mesopotamia. This archaeological project implemented in 1969–1980 which covered the period stretching from the Pre-Pottery Neolithic to the Chalcolithic (within 8000–4000 BC) became a bright page of Russian archaeology. These excavations enriched world science and greatly added to our understanding of various periods of producing economy development in the Near East.

Keywords: R.M. Munchaev; Mesopotamia; Pre-Pottery Neolithic; Chalcolithic; first excavations of the Russian expedition in Iraq.

Рис. 1. Во внутреннем дворе иракского музея в Багдаде.
О.Г. Большаков, М.У. Юнисов, П.Д. Даровских, Н.Я. Мерперт, Р.М. Мунчаев

Рис. 2. Ярым Тепе. Лагерь экспедиции 1972 г.

Рис. 3. Р.М. Мунчаев и А.В. Куза на раскопках Телля Магзалия 1977 г.

Рис. 4. В.А. Башилов и А.В. Куза на Телле Магзалия.
Ведение полевой документации холодным мартовским днем 1977 г.

Рис. 5. Тель Магзалийя 1977 г. Второй слева И.Г. Нариманов, крайний справа Р.М. Мунчаев

Рис. 6. Город Абу – Сенам. В гостях у бедуинов.
В центре: д-р М. Таки, Р.М. Мунчаев. Справа: И.Г. Нариманов, А.В. Куза, Н.О. Бадер

Рис. 7. Р.М. Мунчаев с девочкой.
Город Телафар 1971 г.

Рис. 8. Р.М. Мунчаев на раскопках Телля Магзалия,
1977 г.

Рис. 9. Ярым Тепе II. Гончарный горн

СИРИЙСКИЙ ДНЕВНИК

Резюме. В статье, посвященной выдающемуся российскому ученому, член-корреспонденту РАН Рауфу Магомедовичу Мунчаеву, показан небольшой эпизод деятельности российской археологической экспедиции в Сирии, проводимой осенью 2001 г. на замечательном объекте Телль-Хазна I, при непосредственном участии автора. В научно-популярной дневниковой форме показаны трудности и радости работы археолога, стержневая роль Р.М. Мунчаева в организации и проведении этих многолетних исследований. Подчеркнуты многолетние дружеские контакты сирийского и российского народов, глубокое сожаление по поводу гражданской войны, развязанной в Сирии радикальными исламистами.

Ключевые слова: Сирия; Телль-Хазна I; археологические исследования; Пальмира; Р.М. Мунчаев.

В 2018 г. патриарх российской-советской археологии, член-корреспондент Российской академии наук, Рауф Магомедович Мунчаев отмечает свое девяностолетие. С Р.М. Мунчаевым меня разделяет 20 лет. Конечно, эта дистанция в немалой степени определяла наши отношения. Я всегда ощущал его отеческую заботу, неформальное участие в моих делах, добрый совет, живой отклик на любую мою просьбу, искреннюю радость за любой мой успех.

Мы познакомились близко на международном симпозиуме в Грузии, в Сигнахи, когда волею устроителей оказались на базе, где проходили заседания, в одном номере. Я, конечно, по молодости комплексовал, однако Мунчаев сразу взял надо мною шефство и преподавал неоценимые уроки поведения за грузинским столом, что позволило мне избежать возможных конфузов, связанных с гостеприимством хозяев, касающихся потребления разнообразия вин и других спиртных напитков.

Вообще, как известно, «восток – дело тонкое», и советы Рауфа Магомедовича, касающиеся, в том числе, взаимоотношений с коллегами на докладе и особенно дискуссиях, весьма пригодились мне, и не только в Сигнахи.

После этого знакомства мы уже встречались в Москве и на разных других мероприятиях как добрые знакомые, а потом и друзья. Замечательно, что эти отношения продолжают и сегодня. Пожалуй, так тепло, ненавязчиво и в то же время искренне могут дружить немногие, но для народов Кавказа это характерно, как мне кажется, особенно. И, конечно, я горжусь тем, что могу назвать себя другом Мунчаева, этого не только замечательного человека, но и выдающегося ученого, автора десятков книг и сотен статей, посвященных и археологии родного Кавказа, и Ирака, и Сирии – стран, где ему довелось очень эффективно работать в полевых условиях.

Наконец, нельзя не отметить того грандиозного вклада, который внес Р.Ф. Мунчаев как организатор советской, российской археологии, особенно многие годы являясь заместителем директора, а затем и директором нашего центрального института страны – Института археологии РАН в Москве (Институт, 2000. С. 12–13) (рис. 1).

Стоит ли говорить, что приглашение принять участие в юбилейном сборнике, посвященном Рауфу Магомедовичу, я воспринял как огромную честь. Более того, получив это лестное приглашение, я сразу понял, что напишу.

В 2000 г. на одной из встреч в Москве Мунчаев рассказывал о своих раскопках в Сирии. Замечательный памятник Телль-Хазна, на протяжении нескольких лет исследуемый международной российско-сирийской экспедицией, возглавляемой Мунчаевым, ежегодно открывал миру совершенно удивительную информацию. В настоящее время опубликована двухтомная фундаментальная монография, вводящая в научный оборот материалы этого памятника (Мунчаев и др., 2004; Мунчаев, Амиров, 2016). Тогда Рауф Магомедович пригласил меня поработать в Сирии в составе его экспедиции.

В связи с тем, что работал я тогда заместителем Председателя Сибирского отделения РАН, я мог поехать в Сирию только на полмесяца, однако Мунчаева это не смутило...

В результате я побывал в удивительной экспедиции, поучаствовал в раскопках потрясающего памятника, своими глазами увидел восхитительную Пальмиру...

Сегодня, когда мир обезумел, когда Сирию раздирает гражданская война, когда сотнями гибнут люди, в том числе женщины и дети, я каждый раз, смотря сводки с фронта, мысленно возвращаюсь в Сирию. И каждый раз, когда мы встречаемся в Москве с Рауфом Магомедовичем, мы не можем не говорить о Сирии. О том, как в одночасье эту мирную процветающую страну втянули в братоубийственную гражданскую войну, в которой, как известно, не бывает победителей.

И в этой статье, посвященной моему дорогому другу Рауфу Магомедовичу Мунчаеву, я хочу вспомнить о той, незабываемой для меня сирийской экспедиции, о том удивительно теплом отношении простых сирийцев к нам, русским.

То, что моя страна активно помогает сирийцам в борьбе с варварами и извергами рода человечества, вселяет в меня уверенность, что прежние счастливые времена вернуться, что мир придет на многострадальную сирийскую землю.

Мои путевые заметки, которые я вел во время работы экспедиции, посвященные не только ее начальнику, Рауфу Магомедовичу Мунчаеву, но и Сирии, ее многострадальному народу с такой удивительной историей и культурой. Я счастлив, что мне выпала честь реально соприкоснуться с этой историей, с ее современными носителями. И произошло это благодаря моему замечательному другу – Рауфу Магомедовичу Мунчаеву.

Следуя своей давней традиции, в Сирии я вел ежедневные дневниковые записи, которые и предлагаю сегодня читателю. Я позволил себе лишь незна-

чительную стилистическую обработку и некоторые сокращения, касающиеся сугубо личных (и потому, безусловно, субъективных) оценок и впечатлений. Невольно ловлю себя на мысли, что прошло ведь с того времени шестнадцать лет! Многое изменилось и, к сожалению, часто не в лучшую сторону...

12.10.2001. МОСКВА–ДАМАСК. Первая половина дня прошла хлопотно. По поручению Николая Леонтьевича¹ поехал в Президиум Академии, где должен был передать срочные документы его помощнику, Татьяне Павловне Мельниковой. Застал у нее академика Г.А. Толстикова, с которым у меня самые теплые отношения. За обедом они оба жалели меня. Сегодня вечером я улетаю в Сирию, в Дамаск, в давно запланированную экспедицию, куда пригласил меня Рауф Магомедович Мунчаев – выдающийся археолог, специалист мирового класса по проблемам древнейших цивилизаций. Честно говоря, после сентябрьских событий в регионе² и особенно после недавних событий с нашим самолетом³, лететь в эту экспедицию в Сирию я как-то не жаждал. Однако, что делать? Билеты заранее куплены, виза получена и лететь надо. В Новосибирске и домашние, и в Президиуме, и в Институте – тоже были встревожены этой поездкой. Я уже не говорю о Наташе⁴. В СМИ, правда, Сирия упоминается не часто, однако регион, где происходят ужасные события, – тот же. Ну да ладно. Дело сделано, отступать некуда. Татьяна Павловна меня, правда, еще и порадовала. Вручила сентябрьский номер «Вестника РАН» с моей статьей. Это, конечно, приятно.

После Президиума поехал в Институт археологии, где у Валерия Ивановича Гуляева⁵ для меня оставлены документы и билеты. С Валерием у меня давние дружеские отношения. Привез ему наши последние журналы и книги. Поговорили об институтских и академических новостях, выпили по рюмке.

В гостиницу, часов около 17, приехал Виктор Панченко⁶. Выглядит очень уверенным и веселым.

¹ Николай Леонтьевич Добрецов, академик, Председатель Президиума Сибирского отделения РАН, вице-президент Российской академии наук.

² Имеется в виду обострение израильско-палестинского конфликта.

³ На учениях над Черным морем украинская ракета сбила российский пассажирский самолет Тель-Авив–Новосибирск. Все пассажиры погибли.

⁴ Супруга автора.

⁵ Профессор В.И. Гуляев – в то время заместитель директора Института.

⁶ Мой друг. Бывший пограничник с Укока. Живет и работает в Москве.

Обменялись последними новостями. Виктор мягко так намекнул, что нельзя ли, мол, не лететь? Но я этот разговор не поддержал, на сегодня уговоров мне хватило.

...Поездка из гостиницы в аэропорт Шереметьево прошла на удивление быстро. Андрей⁷ довез меня за час, избежав пробок.

...Уже пройдя паспортный контроль и ожидая посадки, познакомился с молодым сирийцем. Он врач, женат на русской, живет и работает в Москве. Зовут его Махмуд. Очень приятный и общительный парень. Уверяет меня, что в Сирии все спокойно, опасаться вообще нечего. Мы обменялись визитными карточками. Услышав мои опасения по поводу возможной не встречи меня в Дамаске (мало ли, как там сложится ситуация), сразу пригласил к себе.

К счастью, все обошлось без приключений. Летели мы довольно сносно, хотя в нашем Ту-154 теснота жуткая. Не вдохновляло еще и то, что летели мы по маршруту нашего недавно сбитого пассажирского самолета. Однако, к счастью, все обошлось.

В аэропорту Дамаска меня встретили двое молодых людей из нашего посольства. Помощь Махмуда не понадобилась, и мы тепло распрощались. Один из встречающих был помощник посла – Артем Кожин. Благодаря им я моментально прошел все пограничные формальности, и мы минут за 20 добрались до нашего Посольства.

В Дамаске было тепло, темно и тихо. Стоял особый, характерный только для юга, горьковатый запах. Все утопало в зелени. После октябрьской Москвы все это, конечно, выглядело весьма контрастно и, не скрою, приятно.

Меня прекрасно разместили в гостинице при Посольстве. Очень удобный большой номер, видимо, здесь останавливаются приезжающие в посольство гости. Принял блаженный душ – и спать. На душе спокойно и легко. Со мной всегда так бывает после посещения моего любимого Храма⁸. А в этот раз там было совсем пусто и, можно сказать, была по-настоящему интимная обстановка, что я особенно люблю. Это дает силы и душевные, и физические. Еще бы этот простудный кашель, подхваченный в сентябрьской экспедиции, залечить, и тогда все бы было ОК, думал я, уже засыпая.

13.10.01. ДАМАСК–ХАСЕКЕ. Выспался отлично, хотя встал рано, за час до звонка дежурного по посольству. Артем пришел вовремя, и мы перед отъездом на автобусную станцию успели позвонить

в Новосибирск маме и Наталье. Слава Богу, теперь мои знают, что я благополучно долетел.

Артем любезно проводил меня на автостанцию, откуда рейсовые автобусы развозили людей из Дамаска в разные концы страны. Билет мне был приобретен заранее, и при помощи дипломата я очутился в своем автобусе, идущем в Хасеке. Это небольшой город на северо-востоке Сирии, рядом с которым находится база нашей экспедиции и памятник, на котором ведутся многолетние раскопки.

Ориентир один – конечная остановка, которая должна произойти часов через 8. Языковой барьер весьма существенен. Ни русский, ни английский практически не работают. К тому же и надписи, как правило, выполнены арабской вязью. Так что старая добрая поговорка, что «язык до Киева доведет», в данном случае не работает. Впрочем, ехал я в целом без приключений, хотя чуть не приехал в Хасеке без багажа. В каком-то городишке, примерно на половине пути, водитель остановил машину у ресторанчика, чтобы перекусить. Я купил пару бананов и яблочный сок, что и составило мой обед. Брать что-то более существенное не рискнул. Поскольку все объявления делались на арабском – следил за своими попутчиками. Подошел автобус, к которому устремилась вся толпа пассажиров. Все расселись. Сел и я. Поехали. И тут меня что-то насторожило (и водитель был другой). Додумался показать свой билет и багажную квитанцию водителю. Он остановил машину и жестами начал посылать меня назад, откуда мы только что выехали. Ничего не понимаю. К счастью, таких набралось еще двое, и наша тройка вернулась в ресторанчик. По дороге мои попутчики на немыслимой речевой смеси, которую я таки понял (!), объяснили мне, что через какое-то время подойдет наш автобус. Так и случилось. Оказывается, в Хасеке раньше уехали те пассажиры, у которых не было багажа. Как это для меня ни странно, я почти не волновался, хотя оказаться в центре Сирии без языка – перспектива незавидная.

Но дальше все шло без приключений. В Хасеке въехали что-то около 18 часов, уже при полной темноте (темнеет здесь очень рано). Здесь тоже все обошлось без сюрпризов. Рауф Магомедович с двумя сотрудниками уже ждал меня у автобуса.

Оказалось, что лагерь экспедиции и Телль, который исследовался уже более 10 лет, расположены в 26 км от Хасеке. Как потом оказалось, огромная долина, продолжающаяся в Ирак, пестреет теллями как грибами.

Вечером в лагере Мунчаева нас уже ждали. Это был хорошо мне знакомый профессор из Москвы

⁷ Московский водитель из системы Академии наук.

⁸ Храм Ризоположения на Донской улице в Москве.

Николай Яковлевич Мерперт – выдающийся советско-российский археолог, а также сотрудницы лаборатории моего друга Евгения Николаевича Черных в Институте археологии, палинолог Лена Лебедева и палеозоолог Катя Антипина. Нас встретил также московский аспирант Рауфа Магомедовича – сириец Сулейман, выпускник краснодарского университета.

Я распаковал мой спасенный чемодан, отдал начальнику экспедиции все привезенное спиртное, с которым здесь напряженка, хотя и нет сухого закона. Присовокупили и московские продукты. И за стол. Девочки постарались. Все было очень вкусно и весело. В самый разгар застолья приехал местный шейх, друг Рауфа Магомедовича – весьма колоритная и приятная фигура. Мы познакомились. Оказалось, что сирийцы пьют с удовольствием, а женщины не носят паранджи – это не Пакистан, где мне недавно приходилось возглавлять академическую делегацию. Там законы значительно жестче и непривычнее для европейца.

Уже поздно вечером разошлись. Собственно говоря, и расходиться-то особо было некуда. Лагерь экспедиции состоит из двух 10-местных палаток (не считая арендованных построек, где расположены столовая и камералка), в одной живут мужчины (к вышеперечисленным добавился и я), во второй – девушки. Ночь была очень теплая, и если бы не мой запущенный бронхит, то спал бы спокойно...

14.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. С утра Рауф Магомедович познакомил меня с исследованиями памятника. По его мнению, это культовый комплекс, который экспедиция исследует на протяжении уже более 10 лет, обнажены внушительные стены высотой более 8 м! Находки, полученные в результате раскопок этого года, весьма впечатляющие. Совершенно роскошные сосуды, мелкая пластика, серия интересных захоронений. Узнав, что я рисую, Рауф Магомедович попросил меня заняться зарисовкой найденных предметов. (И сейчас, когда я листаю роскошные монографии Мунчаева, с удовольствием нахожу свои рисунки. Значит, и мой, хотя бы и скромный, но вклад остался от этой сирийской командировки.) После экскурсии, не откладывая дело в долгий ящик, я сел за работу в камералке. Зарисовал несколько предметов. И Мунчаев, и Мерперт остались довольны моим творчеством.

Потом приехал местный шейх, друг Рауфа Магомедовича, по имени Абу Нассар. Выяснилось, что нам необходимо съездить в Хасеке, поскольку моя виза была как-то не вполне оформлена. В результате обошли всех начальников и как будто все утрясли. Вынужден был сфотографироваться, но в итоге мы

получили все разрешения и заверения от местной службы безопасности в своей легализации.

Вздыхнув с облегчением, мы отправились на местный базар, где начальник экспедиции сделал необходимые закупки. Для меня это был своего рода этнографический сюжет – восточный базар, на котором прежде чем ты что-либо купишь, нужно не только непременно попробовать (к примеру, оливки), но и поторговаться. Мунчаев блестяще владел всеми этими премудростями, поскольку, если ты этого не делаешь и сразу что-то покупаешь, тебя воспринимают как какого-то ненастоящего, точнее несерьезного покупателя. Процедуру выбора облегчало знание Мунчаевым языка.

К обеду, то есть к началу первого мы были уже в нашем лагере. Поскольку подъем здесь в 5 утра, а начало работы в 6, в 12 земляные работы на раскопе уже заканчиваются.

Днем спать мне как-то не хотелось, и я отправился на памятник, благо он был от лагеря совсем рядом (рис. 2). Погода чудесная, не очень жарко. Я пофотографировал и поработал над статьей, которую взял с собой. Было настолько тепло, что я разделся до плавок и в таком виде передвигался по раскопам и верхушке Телля. Вечером я получил за это справедливый втык от начальника. Ведь мы в мусульманской стране, и следует уважать ее законы.

В 19 часов за нами приехал сын шейха, и мы отправились к нему на ужин. Ужин был по-восточному обильный и вкусный. Через два часа мы вернулись в лагерь и дружно отправились спать.

15.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. Ночь прошла спокойно. Я почти не кашлял, по-видимому, местный климат способствует избавлению от бронхита. После завтрака сразу сел за рисунки и поработал в целом весьма продуктивно, хотя навык уже, конечно, не тот. Особенно замечательным оказался комплекс из захоронения, где обнаружены прекрасные подвески и раковины и камня, в виде уток, рыбок, петуха и какого-то животного.

Настроение испортило послание из департамента древностей Хасеке, привезли мой паспорт с отказом от продления моей визы. Мотивировка более чем странная, якобы моей фамилии нет в списках членов экспедиции! Все, естественно, расстроились, и на завтра Рауф Магомедович запланировал поездку в Хасеке. Как бы не пришлось уезжать раньше. Очень жалко, ведь практически еще ничего не успел посмотреть.

Сулейман, правда, успокаивает меня тем, что местные чиновники настолько слабо подготовлены, что наверняка что-то напутали. Посмотрим.

Вечер. Пишу дневник, а по радио песня – «Плывут сибирские девчата навстречу утренней заре по Ангаре...». Песня моей юности. С этой песней у меня связана непроходящая ассоциация... Абрау-Дюрсо, мы, старшеклассники, едем с уборки винограда домой, в Новороссийск. Наши девчонки вот эту песню, а среди них Верочка, к которой я равнодушен... Как странно вспомнить все это, что было почти сорок лет назад, в детстве, здесь, в Сирии, так далеко от Родины. Надо будет все-таки как-то съездить в Новороссийск, да и в Карелию⁹ тоже. Заканчиваю писать дневник и часок до ужина попробую поработать.

16.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ – ХАСЕКЕ. Утро началось с неприятности. Мой заботливый начальник заставил меня сдать экспресс-анализ на сахар. Получили мы совершенно гигантскую цифру. Такой у меня еще никогда не было. По-видимому, это и систематическое нарушение режима, и нервы. Ясно одно, следует порежимить, а через какое-то время повторить эксперимент. Рауф Магомедович расстроился больше, чем я. Удручающее впечатление этот результат произвел и на других участников экспедиции.

Ну что же сделать? Буду режимить. После завтрака ходил на раскоп, где трудятся рабочие – сирийцы – под руководством Н.Я. Мерперта и Сулеймана. Методика разительно отличается от привычной мне. Потом пошел на свое рабочее место в камералку, где продолжил рисовать. Где-то в половине 9-го приехал наш шейх, и мы с начальником экспедиции и Сулейманом поехали в Хасеке, выяснять о моей разрешительной отметке в паспорте. (Задал же я здесь всем хлопот, то сахар, то разрешение нужно выбивать!) На удивление все объяснилось очень просто. При чтении бумаг со списками состава экспедиции чиновники как-то пропустили мою фамилию, которая там, конечно же, была. Таким образом, все пошло по второму кругу. Пока мы с Рауфом Магомедовичем дожидались Абу Нассара, прошлись по магазинам и купили мне летние экспедиционные брюки.

В лагерь вернулись уже к обеду. После обеда Мунчаев предложил мне прогуляться на соседний холм (телль), где также ведутся раскопки, и где присутствует самый древний культурный слой с керамикой, датируемой VII тыс. до н.э. (Выходит, это самая древняя в Месопотамии посуда?) После посещения холма, на котором в текущее время раскопки, к сожалению, не велась, я еще несколько часов порисовал, поскольку материала было много.

⁹ В этих местах прошла юность автора.

17.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. Спал не очень хорошо. Просыпался от приступов кашля. В общем, не выспался. С утра до конца рабочего дня занимался зарисовкой материала. В результате закончил все, что было необходимо. Перед обедом отснял на слайды предметы наиболее типичные и лучшие, полученные в этом году. Так что одну пленку отстрелял полностью. До обеда успел даже помыться и постираться. Экспедиция заканчивает свои работы. Сулейман с рабочими завершает земляные работы на памятнике, а Николай Яковлевич сводит все планы и чертежи, заканчивая раскопочную документацию. За завтраком и обедом режимлю. Сегодня удалось даже выкроить время и поработать над статьей, которую взял из дома.

18.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ – КАМЫШЛЫ. Ночью пошел грозовой ливень. Наша палатка моментально потекла по всем швам. Мой угол оказался, пожалуй, наиболее сухим, однако промок все равно. Оказывается, ливню, как говорит Рауф Магомедович, предшествовала сильная ветровая буря. Действительно, все было сильно засыпано песком. После того как стихия унялась, проспали как никогда долго, до 6-30. После завтрака приехал Абу Нассар и мы втроем, с Рауфом Магомедовичем поехали в город Камышлы, расположенном на крайнем северо-востоке, на границе с Ираком и Турцией. По пути к городу вдоль дороги постоянно встречались телли всевозможных размеров от небольших холмиков до огромных холмов. В этом районе страны выпадает больше осадков и поэтому почва куда плодороднее. Отсюда и многовековая освоенность территории.

Центр города Камышлы очень оживлен. Население – преимущественно курды. Много магазинов. На улицах много женщин, одетых вполне европейски и даже с непокрытой головой. Сделав небольшие покупки, зашли к брату Абу Нассара, который ездил покупать новую машину. Дом богатый, из мрамора. Приняли нас очень тепло. Угощали, расспрашивали о Москве и Сибири. В лагерь вернулись уже во втором часу и обед у нас был поздний. До обеда успел сделать копии моих же рисунков для полевого отчета экспедиции и описи. Еще одна хорошая новость и, кажется, готов мой паспорт. Физическое состояние тоже стало лучше. Кажется, режим дает о себе знать.

Вечером опять едем в гости. Рауф Магомедович пользуется у сирийцев огромным авторитетом, и все хотят видеть его у себя в доме. Конечно, вместе с ним приглашают и всех русских.

На этот раз мы приглашены к шейху, младшему брату Абу Нассара (рис. 3). Присутствовали также

и его взрослые сыновья. Конечно, фотографировал. По просьбе Рауфа Магомедовича меня обрядили в арабские одежды, и, как все дружно отметили, я вполне сошел бы за сирийца (рис. 4). Фамилия же моя, которую арабы произносят как «Малад дин», придает этому маскараду особый антураж. Во всяком случае, почва для разговора – очевидна. Стол накрыт традиционно в одной из комнат, на ковре, а мы вокруг полулежим. Наши девушки Лена и Катя тоже допущены в мужскую компанию. Стол замечательный. Жареные куры, рис, картофель, фрукты. Все очень вкусно. Стараюсь сдерживаться и налегаю на фрукты. Чертов бронхит, к сожалению, так и не проходит (рис. 5).

19.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. Ночью опять был сильнейший ливень. Палатка держала минут 10, а потом был сплошной потоп. Хотя я, по примеру старожилов, и свернул свою постель в рулон – все-таки всё оказалось весьма влажным. К утру, впервые в Сирии, сильно замерз. Нужно было, конечно, влезть в спальник, но поскольку сверху капало и все было полумокрым – делать этого не стал. В результате, в шесть пришлось подниматься, хотя можно было бы и еще поспать.

Работы на раскопе уже закончены. Девочки занимаются сборами, а я в основном разнообразной писаниной. Дела идут, хотя и медленно. Умудрился даже немного подремать, поскольку бессонная ночь дает о себе знать, периодически почитывая Акунина.

Днем погода разгулялась, и я даже принял душ. Вода вполне прогрелась. Наш начальник решил устроить сегодня прощальный ужин, т.к. на днях будем сниматься и переезжать в Хасеке. Главный этап экспедиции, таким образом, завершен, и завершен блестяще (рис. 5).

Вечером устроили отвальную. Было очень приятно и весело. Рауф Магомедович и Николай Яковлевич рассказывали много веселого и интересного. Кстати сказать, много вспоминали и про моего учителя – академика А.П. Окладникова. После войны Мерперт работал с ним в Монголии (в соседних отрядах), и, конечно же, рассказывал о фантастических открытиях, которые А.П. совершал чуть ли не ежедневно, приводя в восторг и москвичей, и монголов. Это приятно.

20.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. День прошел в целом как обычно, однако существенной неприятностью оказалось то, что все многочисленные укусы комаров, которых здесь превеликое множество – и на которых я как-то не обращал внимание, вдруг начали дико чесаться. Терплю, как могу, не дай Бог начать расчесывать.

По существу, все работы закончены. Завтра последние сборы и выезжаем в Хасеке.

21.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ – ХАСЕКЕ. Ночь почти совершенно не спал. Тело от укусов чесалось со страшной силой. Забылся, может быть, на час-полтора. Утром Рауф Магомедович потребовал меня на экспресс-анализ. К сожалению, сахар упал совсем ненамного. Утро ушло на сборы. Сняли палатки, перенесли все в домик, где камералка. Начальник пригласил меня в комнату, где помещались его личные вещи. Там стоял довольно массивный сундук. Открыв его, Рауф Магомедович предложил мне на память об экспедиции выбрать любую рубашку, каких в сундуке было, наверное, десятка два. Я с благодарностью выбрал. Поскольку у нас примерно одинаковые размеры – рубашка мне подошла.

В 10 за нами пришла машина, а в 11 мы уже были в департаменте древностей, где нам определили квартиру и, что очень кстати, с горячей водой.

Сулейман попрощался и рванул на автовокзал, чтобы ехать в Дамаск, где у него родители, а Рауф Магомедович с командой отправился в какую-то контору, где необходимо заполнить экспедиционные документы. Я остался, чтобы хоть немного прийти в себя после бессонной ночи.

В 18 часов едем к кому-то в гости ужинать, чувствую себя получше, да и кашель почти прошел. Теперь побороть бы чесотку и все будет ОК. Весь вечер провели в гостях. Нас пригласили две семьи. В обоих браки смешанные, жены русские, а мужья – инженеры, учились у нас в Союзе. В одной паре жена из Ташкента, в другой из Ленинграда. И таких семей, как сказал мне Р.М. Мунчаев, здесь довольно-таки много. Конечно, у людей ностальгия по прошлому. Поистине, «что имеем – не храним!!!». И это вся наша компания по поводу утраченного Союза дружно признала. Надо сказать, что обе принимающие нас семьи очень современные. Ребята прекрасно разбираются в политике и, конечно, очень любят и Сирию, и Россию. По поводу специфики Востока. Конечно, она есть, однако есть и другое. Нас, например, обслуживали за столом три современных юных девушки. Никаких комплексов! Стол был очень обильный. И... какая уж тут диета.

Перед сном принял горячий (очень горячий!) душ. На укусы это подействовало позитивно, и спал я в целом неплохо.

22.10.01. ХАСЕКЕ. Встали в 6 утра. Уже по привычке. Максимально горячий душ и как будто бы могу какое-то время жить спокойно. После завтрака направились всей группой в центр города, в отдел охраны памятников, где нужно набрать на ком-